

*Евгений Лисицин
Алекс Рок*



КНЯЗЬ РЫСЕВ

Евгений Лисицин
Алекс Рок
Князь Рысев 4
Серия «Князь Рысев», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70115587
SelfPub; 2023*

Аннотация

Еще вчера я был гол, а сегодня сокол. Точнее, рысь. Князь Рысев, приятно познакомиться. Хотите знать, что дает мой титул? Головную боль, официальную опалу у императора, и всеобщее желание моей смерти, даже у соседской кошки. Хрен им! Умирать второй раз не по-княжески. Тем более у нас тут есть лисодевочки, сексуальные демоницы и чародейки прямо огонь, причем в прямом смысле слова. Значит, прорвемся или порвемся, тут уж как карта ляжет. Ну, понеслась...

Евгений Лисицин, Алекс Рок Князь Рысев 4

Глава 1

Магазин приключений больше напоминал собой затрапезную лавку. Несколько раз я сверялся с картой, проверял адрес, не желал верить, что глаза меня не обманывают.

Воображение впечатлялось обманчивым названием – это надо же, магазин приключений! Ему было влать рисовать улыбчивую фигуру консультанта: вам, мол, какое приключение надобно, милсдарь? Покороче, подольше, на двадцать минут, почти зашли и вышли?

Разочарованию его не было предела, когда среди хибар и деревянных трёх-четырёхэтажек выросла едва заметная коробка здания. Приключения, видать, в этом мире любили не очень – у продавца не оказалось денег на магическую вывеску. Сарказм где-то внутри меня ухмылялся, что сразу же за дверь будут поджидать два-три десятка мордovorотов – вот тебе, мол, и приключение.

Я глянул на магазинчик ещё раз и пришёл к выводу, что сарказм немало приукрашивает – запихнуть в этот узкий короб три десятка человек... Тут бы пяти разместится.

Грязь противно скрипела под ногами, небо по-осеннему

хмурилось. Я укутался в плащ, шмыгнул носом – не хватало только ещё по этой паршивой погоде простуду подцепить.

Ирония весёлым клоуном скакала от одной остроты к другой. Чего же ты, друже, ждал, спрашивала она. Да ещё и при таких-то обстоятельствах, при каких ты получил этот адрес...

Кондратьевич нисколючки не врал, говоря, что бесы будут грызть мою бессмертную душу, раз уж я связался с ними договором. Биска взяла за правило просыпаться в моей постели каждое утро с того самого разговора. Ненасытной нимфоманкой, она будила меня то минетом, то тем, что пыталась усесться промежностью мне на лицо. Всякий раз она умудрялась взять своё и оставить меня выжатым, словно лимон. А после, уходя через электрический провод, не забывала погрозить когтистым пёрстом и мрачно, так, что поднимался волос, проголосить – должно-о-ок!

Уж не знаю, насколько её экзерсисы способствовали моему восстановлению, но выздоровел я быстро.

И почти первым же делом, ещё до того, как вернулся в офицерский корпус, отправился искать те самые Тунели-под-мостом.

Биска была столь услужлива, что проводила меня к ним. Толстый, несуразный человек охраны сдавил собственное недовольство, едва увидел со мной дьяволицу – тоже, видать, отмечен преисподней. Я выдохнул, на ум пришли известные строки из КиШа – про то, что у чертей полно идей, и что

плохо, когда среди людей у них помощники бывают.

Этот человеком был разве что внешне. Под фуражкой у пузана прятались небольшие шипы рожек – то ли не дослу-
жился до более высокого чина, то ли не выросли.

Мрачно, будто сюда всякий день наведывались благород-
ные представители рода, дабы побродить по туннелям, он
осмотрел меня с ног до головы, выдохнул и отрицательно по-
качал головой.

Сказал, что не пустит. Хоть я самого Сатану пусть из пек-
ла себе в помощь призываю, а шиш!

Бросил взгляд на Биску, та лишь пожала плечами – мол,
причём тут она? Справляйся сам, я тут только провожатая.

Я чуть не закрипел зубами от злости – вот, значит, о чём
предупреждал меня мастер-слуга. Довериться чёрту – что за-
просто пропасть. Придёшь исполнять работу по договору, а
на тебя смотрят, как на дурака и не пускают.

Ответ пришёл откуда не ждали.

Я бросил взгляд на стальные двери, подумав, что такие не
возьмёт и динамит. Ясночтение же поспешило подсказать,
что динамит тут явно лишнее. Словно взяв на вооружение
рекламные приёмы из родного мне мира, оно намекнула, что
чтобы открыть двери, нужно всего лишь просто...

Просто привести с собой группу из четырёх человек или
подопечных.

Класс подземелья: Обычный, квестовый.

Босс был повержен: 0 раз.

Награда: скалируемая уникальная, освобождение от демонического долга.

Я пожал плечами – на первый взгляд всё было просто. Попрошу Майку и Алиску – эти точно мне не откажут. Ну и Биска вместе с нами...

Просто, да не просто. Биска прочла мои мысли, отрицательно покачала головой, зверски ухмыльнулась. Мол, она хоть и моя подопечная, но дочь Сатаны, и ежели со мной по этим туннелям побредёт, то это выйдет, что Сатана сам себе за меня долг выплачивает.

Нехорошо будет.

Пузан же, словно решив запеть с ней в унисон, заявил, что притащи я сюда хоть всю имперскую гвардию, а он меня не пустит.

Он вдохнул побольше воздуха в грудь и хищно ухмыльнулся: будто только всю жизнь и делал, что готовился сказать столь эпичную фразу.

Ты не готов.

Серьезно, прямо так и сказал, а дабы я не задохнулся от возмущения, вытащил из широких штанин грязную, лежавшую там едва ли не с начала времён бумажку с адресом.

Магазин приключений, гласил красочно разрисованный буклет. На обратной стороне он обещал приемлемые цены для всякого, кто желает отправиться покорять своё первое подземелье.

Новичкам полагались скидки.

Я выдохнул, осмотрелся по сторонам – бредущие по своим делам горожане тонули в быте мелких забот, им не было до меня никакого дела.

Дверь открылась легко – она как будто бы ничего не весила. Пол под моими ногами тут же заголосил на все лады, предупреждая уснувшего за прилавком продавца о том, что явился клиент.

Я глянул на пыльные прилавки, с трудом удержался от мысли о том, что я не просто клиент, а первый клиент.

Вообще первый.

Кассир разлепил сонные глаза. Мне казалось, что он обрадуется мне как весеннему солнышку. Он же, напротив, как будто решил, что я ему попросту привиделся.

Магазин приключений предлагал самый нехитрый товар, какой только можно было себе вообразить. Большинство из того, что пылилось на полках, можно было запросто обнаружить на витринах обычных универмагов – знать бы ещё только, почему бес направил меня сюда? А, может, он с продаж тут процент имеет?

Я ухмыльнулся – ну да, конечно, сюда ж народ, как погляжу, просто табунами валит.

– Что-нибудь присмотрели? – кассир спрашивал не любопытства ради, а раздражения для. Рады мне здесь не были: я мешал ему законным образом спать на работе.

Я отрицательно покачал головой в ответ, сам пытаюсь найти ответ, что же надеялся здесь узреть? Мечи, копья, щиты

да доспехи? А вместо этого взирал на добрый шмат пеньковой верёвки, подозрительного вида крюки и, почему-то, пирожные.

Пирожные, к слову, в отличии от всего остального, имели свежий, как будто только что из печи, вид. Не сказать бы, что я падок на сладости, но даже мне захотелось угостится.

Я покачал головой и вспомнил, как наведалься тем же вечером к Славе. Ангелица выслушала меня с ничего не выражающим лицом. Её взглядом можно было охлаждать пиво – кажется, она была не очень рада меня видеть. А, может, затаила обиду на то, что я предпочёл провести вечер в обществе Менделеевой, хотя она истратила на меня весь свой чудесный вечер.

Сила красноречия оказалась беспомощна перед лицом холодной как лёд Слави. Выслушав меня до конца, сложив руки на груди, она ответила отказом.

Я сразу понял, что упрашивать её бесполезно, да и будет выглядеть слишком жалко. У неё же на отказ были свои причины – гордо задрав симпатичный носик, она заявила, что у людей есть такое понятие, как совесть. Ангелы не люди, но некий эквивалент оной имеется и у них. И вот он-то, этот самый эквивалент не позволяет ей помогать не просто полудемону, а полудемону в делах преисподней. Ведь очищения тех туннелей на пользу Сатаны, а для неё это как серпом по горлу.

Когда же я спросил её о Нэе, они лишь пожала плечами.

Живой луч света восстановится и вернётся ко мне сам как только наступит время, а она ничем не может помочь. Словно не желая отпускать меня просто так, она скучающе поинтересовалась, не желаю ли я провести эту ночь вместе с ней?

Я, может, где-то в глубине души и желал, но на это совершенно не было времени. Хотя я бы посмотрел то представление, которое устроят меж собой Биска с Славей...

Ясночтение снова пришло на выручку, раскрывая секреты лежащего здесь товара. Помимо привычного вкуса, пирожные обещали залечить раны – по 65 единиц за штуку. Действовали только в подземельях, относились к подклассу пряничных. Предупреждение гласило, что за раз один персонаж не может использовать более трёх предметов данного подкласса. Словно оправдываясь, обещало при злоупотреблении проблемы с зубами.

Словно невзначай, я вытащил бумажник, пересчитал наличку – не так много, как хотелось бы, но для демонстрации хватит.

Кассир, едва завидев деньги, чуть приоживился. В глубине его глаз мелькнула надежда, что я здесь не просто так и, может быть, чего-нибудь куплю.

Я въедался теперь взглядом во всё, что только видел. Понятно, почему сюда мало кто заглядывает, даже из тех, кто отправляется в приключение. Это я вижу особенные свойства, а вот остальные не видят разницы между местным товаром и тем, что продают в роскошных, полных рекламах

лавки.

Верно мне Кондратьич в своей мудрости вещал, что всякий чёрт, он посреди обыденности сидит, да в глубине прячется. Ежели что-то кажется странным, то стоит ненадолго задуматься – вполне возможно, что это "ж-ж-ж" неспроста.

Кстати, о старике...

Я привык думать про Кондратьича, как про мастер-слугу. Старый солдат, с трудом вытянувший меня из самой клоаки отчаяния – я и подумать не мог о том, чтобы взять его в те туннели. Но выбор есть не всегда.

Он вызвался сам – как узнал, от кого? Но стоило мне к нему заявиться, как он уже был во всеоружии. Свежий кортик, невесть из каких запасников вытащенная винтовка...

Для полноты образа ему разве что не хватало пояса с гранатами, да пулемётных лент. Биска, глядя на его усердие, недовольно поморщилась – я попытался выведать у неё, чем ей не угодил Ибрагим в тех туннелях, но она дала самой себе право не отвечать.

Ну да и шут бы с ней, я всё равно упирался в лимит человек. Из каких недр мне вытащить четвёртого, я не знал. Отчаяние было злым, а потому перед сном шептало о том, дабы я попросил помощи у друзей. Ладно там, Женька, но вот Дельвиг со своей девчонкой там такого понапишут-намузицируют, потом сам чёрт ногу сломит.

Во сне мне виделось, что отчаявшись окончательно, я еду к тем самым Уральцам, против которых воевал в "Сплюше" –

при виде денег наёмники частенько забывают о былых обидах.

Я даже знал, кто подкидывал мне эту идею – однажды краем глаза видел, как Биска раз за разом оставляет на журнальном столике взятый мной в качестве трофея шеврон.

И вот я вновь оказался почти там, от чего пытался убежать. Николаевич ждал, когда я из-за пазухи вытяну кровно-рождённого подопечного, мне где-то требовалось разыскать ещё одного человека для того, чтобы исполнить свой долг перед адскими глубинами, на носу маячили дуэль и практика.

Не любит, ох и не любит меня этот мир! Решил не убить, так сгноить...

Да ещё не шла из головы информация, что за моё похищение заплатила Егоровна.

Биска упоминала мне, что я интересую её как подопытный кролик. После того, что случилось в Театре, мне думалось, что она немного оттаяла ко мне.

Чёрт бы там плавал!

Теперь, после того, что удалось раскопать Кондратьичу, мне думалось только о том, что старуха лишь отложила свои мерзкие планы на некоторый срок, а, может, даже и решила сменить их на нечто зловещее.

Да и Евсеевы... Наташка, якобы сестра, сумела подвести меня под монастырь. Орлов-то ведь из-за неё так взвился. Правда, я толком-то и не понимал, как можно ревновать к

сестре, ну да кто его знает, какие гадости мажорчику лезли в голову?

Я покачал головой, прогоняя тщету мешающих мне мыслей. Надо было сосредоточиться на том, что я могу взять с собой в эти треклятые туннели.

Хозяева магазина имели странный вкус. По их мнению, ни одно хорошее приключение не могло обойтись без совковой лопаты. А уж что делать посреди чужеродных глубин без свитков святых писаний – одному только богу известно.

Верёвка казалась мне самым полезным инструментом из представленного – судя по описанию, она готова была обмотаться и закрепиться вокруг чего угодно, обращаясь в тарзанку. Не меньший интерес представляли ключи – сплошь однообразные, но обещавшие вскрыть любой замок до второй степени.

Кассир жадно потёр руки, когда я выложил перед ним набранный скарб и загнул такую цену, что у меня едва глаза не полезли на лоб. Словно опасаясь гнева достойного господина, он спешно и молчаливо ткнул в вывеску над собой – как странно, что я сразу её не заметил. Словно родом прямо из дьявольских идей, она гласила, что несчастный, отважившийся закупаться здесь, должен усвоить простую истину – только три предмета одного типа продаются по указанной цене. Все остальные, что идут сверху, получают дополнительный эквивалент к стоимости – ровнёхонько сто процентов от предыдущей цены. Купил ты три пирожных по пять рублей,

будь готов выложить за четвёртое уже десять.

Любопытство желало поиграть с системой – а что будет, если я буду заходить и выходить из магазина? Счётчик обнуляется через время, или так и закрепляется до конца, кхм, приключения?

Решив не играть в хитрость, которая может привести к печальным последствиям, я натянул покерфейс и заплатил.

А то, чуялось мне, проверни я свой фокус, мог добиться того, что цены в магазине поменяются – куда как не в лучшую из сторон.

Я скинул всё в заплечный мешок, поспешил на выход.

Помощь пришла ко мне вчера, когда я уже совсем отчаялся. Биска ластилась ко мне, словно приклеенная не желая оставлять меня ни в горести, ни в печали.

И покушивая мою ману, конечно же – куда ж без этого? Предупреждение гласило, что за каждый день просрочки мой общий запас будет уменьшаться ровным счётом на несколько единиц. Что случится, когда он будет равен нулю, догадаться было не сложно.

Менделеева как будто поджидала меня – иначе объяснить наше чудесное столкновение с ней на улице я не мог. На её лице лежала разве что не тонна пудры, но синяк на щеке всё равно не укрылся от моего взгляда.

Она искала у меня то ли утешения, то ли защиты. А может и просто желала повторения той бурной ночи.

Константин прознал про её выходку в магазине игрушек.

Следователи нашли десятки, если не сотни дохлых, крысиных тушек. Следственный эксперимент быстро показал, что оные были родом из лабораторий. Хозяин магазина желал мести, денег и правосудия. Константин Менделеев, как патриарх собственного рода, от комментариев отказался.

И высказал сестре всё, что думает о её поведении, не забывая приложить руку.

Я метался в незнании – считать ли его последним паршивцем, готовым поднять руку даже на собственную сестру, или мальчишкой, что взвалил на свои плечи неподъемный груз ответственности.

С которой, конечно же, никак не мог справиться.

Она не рассказала мне ничего. Наверно, даже нашла некоторые из его ударов до жестокого приятными. Но теперь ей хотелось пойти со мной туда, куда я направлялся.

Как только она упомянула дьявольские туннели, я почувал, как где-то внутри меня просыпается паранойя. Появилось неизбывное желание проверить свою новенькую форму на наличие жучков и прочей шпионской атрибутики. Благо, Катька решила сразу расставить все точки над "и".

Ей позвонила Славя. Не знаю почему ангел решила, что Менделеева будет лучшим кандидатом на эту роль, но отказываться от помощи в моём положении – не самый верный выбор.

Как и принимать в ряды приключенцев всех, кого только ни попадя.

Я ответил Кате уклончиво, пообещал подумать над её предложением – надо было сначала узнать мнение Майки. Что-то мне подсказывало, что как только я упомяну род, обративший её родной дом в кучку пепла, огненная дочь Тармаевых тотчас же восплачет, и отнюдь не благодарностью.

Сумка приятно потяжелела. Я выходил из магазина изрядно потратившийся, но довольный. Хотелось поймать автомобиль такси, но подобные чудеса редко закатывались в бедняцкие кварталы.

Я бросил взгляд на стенд, где привычно была изображена карта. Будущее ещё не наступило, но приёмы комфортного туризма были здесь прямо оттуда. Что и говорить, магия толкала местный прогресс – знать бы ещё только куда. К краю пропасти или в светлое будущее?

Доходный дом, где укрылся Кондратьич был всего в паре-тройке километров отсюда. Что ж, к старику у меня скопилось немало вопросов, а оттягивать их разрешение и дальше больше не было смысла.

Глава 2

Сегодня старик разжился конфетами. Баранки, чай в блюде – я почти что чуял себя на даче у бабушки. Самовар блестел золотом. Едва у нас с Ибрагимом появились деньги, он подбоченился и взял самую важную часть работы на себя.

Принялся их тратить.

Что ж, следовало отдать ему должное, если он и позволял себе роскошь, то очень небольшую. Словно рождённый не

в деревне, а сразу в душном бухгалтерском офисе, он взялся вести грамоту о расходах, и чуть не помер от счастья, вызнав, что сам Император, после моего героизма, оттаял и готов помочь в восстановлении особняка. В конце-то концов, благородных я кровей, аль нет?

Перво-наперво, он высказался, что раз уж теперича я не абы кто, а гордый ученик офицерского корпуса, то и жить мне лучше всего поближе к Петербургу. Да и безопасней – желающих пустить красного петуха будет поменьше.

Я смотрел на него – и видёл в нём наивного ребёнка. Если там, в больнице, он упрекал меня в излишне розовом взгляде на мир, то сейчас то же самое можно было сказать и про него.

– Кондратьич, – я отхлебнул чай, успокаивающе выставил перед собой ладонь. – Это, конечно, всё очень замечательно, но мне хотелось бы знать сейчас о другом.

Он весь обратился в натянутую струну. Словно ученик, не выучивший урока под взглядом строгого, готового вызвать именно его к доске, учителя.

– Расскажи мне про моего отца.

– А чавой про него рассказывать, барин? Хороший был мужик, царствие ему небесное. Платил мне изрядно, да исправно – никогда при нём его дворовые-то нуждёнки не ведали. Да и...

– Ибрагим, – я остановил льющийся из него поток. – Ты же знаешь, про что конкретно я спрашиваю.

Старик выдохнул, опустил взгляд, разом обратился в по-

терянного. Махнул рукой, будто говоря – а, да пропадай оно всё пропадом.

– Знаю, барин, как не знать. Думалось-то мне, вот уедем в Питер, помощи попросим, в корпус, стало быть, офицерский пристроим – тут-то старому житью и ага. Конец, стало быть. А прошлое-то батюшкино за вами что телега следом скрипит.

Чую, это я вовремя начал спрашивать. Надо было брать быка за рога. Пока Кондратьич в таком настроении, он мог что угодно рассказать.

Чем больше этого "что угодно" я из него вытащу, тем лучше.

– Какой он человек был? Мне после того удара... немного память отшибло. Вроде помню, а всё как в тумане. Чем занимался? Кольцо-то Кошкино нам ведь не даром доверили.

Учитывая то, что за один великий артефакт готовы были разменять едва ли не полгорода благородных...

Интересно, а как с благородными обстоят дела в Москве? Может, тут по всей стране этих родов, как грязи – чего беспокоиться о сотне другой?

Здравый смысл возразил, сказав, дабы я вспомнил мудрость свое былой юности. Где ты ни крутись, как ни вертись, а столько барыша, сколько в столице хрен где сделаешь. Нечто мне подсказывало, что тут руководствовались тем же принципом. Со всей страны – и в Петербург!

– Скажешь тоже! Не даром, понятное дело. Батюшка твой

что бык был небесный: всё знал, да всё видел. Человек ему навстречу только шаг сделает, едва руку протянет, а уж он, почитай, и знал, кто таков, да с каким соусом его в суп класть.

Я кивнул. Значит, верно, что у Рысева-старшего были схожие со мной способности. На родологии нам пытались втолковать, что дар не работает как магическое заклятье. Вещь можно зачаровать – и она раз за разом будет выполнять то заклинание, которое в неё закладывалось.

С родом гораздо сложнее – способности со временем морфировались, обращаясь из одних в совершенно другие, а то и вовсе раскалываясь на разные ветви. Орлов бы жутко взбесился, услышь он то, что по секрету рассказал Женька – род судьи вёл своё начало от палачей. И изначально они владели способностью причинять нестерпимую боль чем угодно.

Я глянул на свой палец, вспомнил о той абилке, что даровало мне родство с демонами и знатно призадумался – а не от лукавого ли вся наша магия с родовыми умениями?

Как будто в каждом из нас сидело по кусочку демона.

– Непростой он человек был, барин, не простой. Да ты и сам, чай, помнишь не хуже меня. Тебя вот сопливого на меня оставит – и к Императору, стал быть, в летний дворец. На доклад, а то как же! А это, почитай, на неделю-другую из дому вона, поминай как звали... А там на день заскочит, и снова на котомке верхом...

– Что же, любил его Император-то, выходит? Жаловал? –

спросил я, чуя, как у меня горят ладони. Казалось, что сейчас Кондратьич хлопнет себя по коленям, да скажет – а то как же! Исчо как!

Не сказал. Напротив, словно в пику всем моим ожиданиям, погрустнел, отрицательно покачал головой.

– Когда-то, может, и любил, барин, кто ж тут спорить будет? А потом меж ними как будто кошка чёрная пробежала. А потом и я, дурень старый, за тобой не уследил. Ты тогдась исчо пострелёнком был – два вершка от горшка, уж и не помнишь поди. Кто тебя подговорил, кто надоумил? Весь город на ушах стоял – спёрли, стал быть, кхисту какую-то у инквизаториев. А ты прям в главный кабинет, прям в библиотеку их пробрался – да главе ихней, старуха там, да ты уж, чай, сам с ней виделся – кхисть свою рисовательну и подарить пришел. А с ней, как на грех, сам Инператор был...

Что ж, если это сыграло свою роль в его и моей последующей опале, то всё становится ясно. И без того плохие отношения окончательно порушила пропажа Кошкиного Кольца – тут и гадать не стоило

– Меня тогда сечь велели, ну да биси с ними.

– Отец?

Старик махнул рукой.

– Куда там! Батюшке вашему, барин, куда как чем заняться было, нежели велеть старика плётками излупить. Был бы он тут в тот момент, так может, и вступился бы. А то барская воля была чужая, ну да я уж зла не держу – пустое это. Былое.

Я закусил губу, а после прищурился. Погодите-ка, разлад Рысева-старшего с Императором, выходит, ещё кучу лет назад случился. Да и когда бывший обладатель этого тела по доброте душевной к Егоровне попёрся – ему явно еще далеко до моих лет было. А кольцо-то спиионерили не так уж, чтобы и очень давно...

– Кондратьич, а разлад-то из-за чего произошёл? Я ещё, вот помню, нас охраняли Уральцы. Наёмники..

– А вот тут интересна побаячка-то, барин. Разлад из-за работы батюшки вашего.

– Так он в командировках был же. Разве не Царь всея Руси его в каждую дырку пихал?

– Вот-те крест, барин, как верно ты подметил. Царь-батюшка отца вашего куда только деть не желал, лишь бы он в Петербурге поменьше появлялся. Дхипуло-мат, да-с, служба обяывает. Всякие он кунштюки делал, словом мог обжечь – не всяк сатрап плетью управится.

Значит, Рысевы едва ли не с самого моего рождения были персоной нон-грата в этих краях. Что ж, тогда становится интересно, с чего бы вдруг после моего героического сражения с духом театра, я вдруг стал сиять для правителя новой звездой.

Подсказывало мне нутро, что хотят сыграть на мне, как на дудке, даром что не кожаной.

– А про работу. Что делал-то он, не скажешь?

Старик пожал плечами, покачал головой. Оно и есте-

ственно – откель простому службе, пусть и мастеру, знать, где и чем промышлял барин?

– А крепостные-то у нас были?

– А то как же, барин! А я-то, по твоему, откель в доме твоём взялся? Нешта, думаешь, с Луны свалился? Да вот токмо после законов-то новых – вам ж в сколах-то ваших должны были рассказать – как будто свободу дали. Мол, не барину мы нынче служим, а сами на себя. Да токмо какие в дупу свободы, когда дома – жрать неча, земля вся барская? Тут только кому в землепашцы, кому в солдаты идтить, а повезёт: так лично в офицерское воинство на довольство угодишь. Так то.

– А что же, – я склонил голову набок, – выходит, только на батюшкино жалование мы особняк-то и содержали? Наёмников за хлеб с солью приручили?

– Куда уж там, барин, – Кондратьич снова махнул рукой. – Жалованье по службе у батюшки вашего были, что гроши. Почитай, и не поместье у вас было, а на фоне тех же Тармаевых, так и вовсе пристройка к дому. А наемники – ну, горские эти, с Урала-то, так их барин-старший в последние токмо недели-то и купил. Мож, были у него какие сбережения, я не знать, вот на них и взял. Чуюл, что дело-то неладное. А его потом по измене государю арестовали. Как сказали, что повесить хотят – у вас припадок случимшись, я уж и не знал чевоу делать-то. Потом, вроде как, помиловали, да что толку? Заменяли каторгой – а там разве долго народец-то жи-

вёт? Год-два, а потом пой поминальную.

Вот оно, значит чего, мужики. Император-то наш, как погляжу, просто добрейшей души человек! Здравый смысл велел погодить – негоже вот так после одного рассказа Кондратьича выводы делать. Врать-то он, конечно, мне не будет, кто ж тут спорит, да только он всё со своей колокольни вещает. Мол, занимался барин дипломатией – и хорошо, наверно, занимался. А потом р-р-раз! И к царю в немилость!

В такие совпадения разве что только в детском саду и верят. Вдруг, Рысев-старший чем незаконным промышлять начал? Не спроста ж перешёл дорогу сильным мира сего.

И всё ж таки Кошкино Колечко на хранение было нашему роду отдано.

К слову, раз уж заговорили об этом...

– Кондратьич, а наш род был настолько малочисленен? У Тармаевых едва ли не каждая горничная пламя из подмышек выцганить могла. А у нас?

– А у нас, барин, в подполе квас. Неча мне тут сказать. Да ты и сам, поди, знашь, что ясномудрствование твое – такой себе дар. Вот батюшка твой, поди, и разумел, что ежели всех ясномудрёных в одном месте собрать, так нича хорошего и не будет. Да и не видать, ежели честно, остальных-то – толь скрывают, толь попросту о нём не ведают. Оно ж, отголоски дара в простых людях токмо магией и плодятся. А яка твоя придурь волшба?

Хоть и обидно услышанное, а как ни есть – правда. Яс-

ночтение давало мне преимущество перед противником, выкладывая его подноготную, а иногда и догадаться помогало – где и чего, как устроено. Вот только Майка по-прежнему могла больше моего...

Потому и наёмники понадобились.

– А Кошкино Кольцо – кто украл?

Кондратьич постучал себе по лбу, намекая на мою глупость.

– Я ж тебе ещё у Тармаевых сказывал, что никто. Батюшка-то твой нападения ждал. Чтоб, стало быть, всё сверкало, горело и полыхало. В последние дни всё в кабинете своем торчал. То ли переписывал чегой-то, то ли попросту прятался. Уж как вы его выйти-то просили, а он будто в работе своей сгинул. Ну да вы и сами о том ведь помните, барин.

Я неопределённо кивнул. Что ж, если мой названный отец и сунул голову в пасть тигру, то огонь поглотил все его попытки спасти дело своей жизни.

Знать бы еще только, в чём оно заключалось.

– Кабы не эта работа его треклятая, господи прости, так может, и не было б за вами хвоста, барин. Видать, где-то шибко глубоко он копнул, да у кого не надо что не надо вызнал.

– Что вызнал? – удивился я. Старик замялся с ответом. Где-то внутри него активно скрипели весы, на которые он, что монеты, кидал доводы за и против.

"За", кажется, победили.

– Нашел он что-то, барин. Я знать сам не знаю – не говорил он мне. Да и кто я таков, чтоб передо мной глава рода хучь в чём, а объяснялся?

Я кивнул, признавая его правоту, требуя продолжения. Кондратьич выкладывал передо мной до того скрытую подноготную. Уж сколько я тянул с этим разговором-то...

Да и Кондратьич тоже. Рад мне сейчас всё, как на тарелочке выложить, но ведь до того молчал, боялся.

Что ж его сейчас-то толкнуло на откровенности? Неужто только и надо было, что просто спросить?

Старик продолжил.

– Есть у меня мыслишки, что непросто он раскопал, а супротив самого Инператора, да хранит Бог его душу. Думаешь, грешки, они тут только за благородными родами елозят? Тут на каждом, кто на верху, по батальону бесов, да чорт в командущих на спине обитат, да чё да. А на Инператоре, поди, сам Сотона и катается, не будь лукавый помянут.

Я успокаивающе поднял руки, давая ему знак, что лучше умолкнуть. Купола, что мог бы сохранить наш разговор от чужих ушей, не было и в помине, а опыт мне недвусмысленно намекал, что даже у стен есть уши.

Кондратьич сник.

– Прости, барин. Плету, чего только на язык взбредёт – ни на ум же!

Мы помолчали; тишина, повисшая меж нами, была густой и неприятной. Старик отвернулся, уставившись в окно, чуя

себя виновным – и в своей словоохотливости, и в том, что рассказал то, чего рассказывать не следовало бы.

Я видел, как ему не нравился бушующий в моих глазах азарт и жажда действий. Словно заботливый родитель – не отец, так дед, он жаждал уберечь меня от грехов предка. Увести, утащить, уволочь – а вместо этого я, неблагодарной скотиной, да бесу в пасть...

И всё равно он при том собирался идти со мной и за мной до конца. Скажи я ему, что назавтра вершу революцию во имя Красного Знамени, да пролетариата, он меня перекрестит.

Перекрестит, спросит, не тронулся ли я умом, часом? А после перезарядит винтовку, выдохнет и спросит, во сколько выдвигаемся.

Я же нутром чуял, что невозможно просто взять, да убежать от прошлого. А учитывая последние обстоятельства и то, как Император вдруг решил мне немного, а подлизнуть жопу, всё складывалось скверно.

Словно кто-то проверял – можно ли меня купить на побрякушки и несколько рублей. Особняк в пределах Питера – это прекрасно. И для меня, и для тех, кому я успел насолить. Орловы, Евсеевы, Константин Менделеев – будь у них возможность, они не преминут сызнова втолкнуть в грязь мой род и имя.

Как будто бы этого некто незримый специально и добивался.

Егоровна? Я покачал головой – нет уж, даже для неё такие многоходовочки излишне сложны.

Или излишне просты – в последнее время она жаждала не убраться, а заграбастать...

Я хлопнул себя по коленям, выдохнул, допил оставшийся чай. Надо было срочно менять тему, пока мы окончательно не скатились в мрачные дебри. Начинали с моего названного отца, закончили едва ли не мировыми заговорами против меня. А меж тем, завтра меня ждало просто невероятнейшее путешествие по Туннелям-под-мостом.

Мост был тот самый, что пропускал корабли и на который постоянно туристов таскают взглянуть. Про то, что он поднимается – слышал, а вот чтобы под ним какие-то туннели пролегли – в первый раз.

– Мы завтра засветло пойдём, барин. Ты набрал команду-то? Я б вдвоём с тобой пошёл, да пропадём мы, вдвоём-то...

Как будто впятером мы там пробежимся аки на летней прогулке, хотел мрачно буркнуть я, да не стал. Что ж, мир меня сам к тому подталкивает, накладывает обязательства. Интересно, а если бы я явился туда и в самом деле с гвардейцами Императора – что тогда? Толстяк бы тоже грудью встал на защиту стальной двери, коли нас там меньше пяти бы собралось?

Я усмехнулся, покачал головой, а Кондратъич принял на свой счёт.

– Ты не лыбься, барин. Дело серьёзное.

– Кондратьич, скажи, почему ты решил пойти со мной? Я тебе ещё ничего и рассказать не успел, а ты уже готов был из портков выпрыгнуть.

Он вновь остановился перед выбором. Воображение мне так и рисовало, что где-то в глубине седой головы старик стоит на распутье, но не желает расставаться с тяжким грузом.

Соврёт, понял я. По глазам, по жестам, по выдоху.

– Я же втянул тебя в это дело, барин. Кто б тебя надоумил на такую глупость, как к инквизиториям идти, кроме меня? Как есть, моя вина! – он стукнул себя кулаком в грудь. Что ж, объяснение как объяснение, ничем не хуже остальных...

– Девчонок я собрал. Майка с Алиской согласны, в этом никакой беды не было.

– Ну, вчетвером-то ещё куда ни шло, – старик приободрился. Я цокнул языком в ответ.

– Куда ни шло, только ни туда, куда следовало бы. Прихватник требовал, чтобы с офицером было четверо.

– Ну, дела, барин, – было оживший на глазах Кондратьич чуть ли не сдулся, что воздушный шар. Я поспешил его успокоить.

– Всё в порядке, я уже нашёл пятого человека в нашу команду.

Старик словно на американских горках чувств ездил – его лицо вновь расплылось в тёплой, дружелюбной улыбке.

– Ну, барин, ну хват! – Он протянул мне руку, которую я

пожал в ответ. – Ну так за чем же дело-то стало? Я б такую удачу водочкой с тобой отметил, да нельзя. И нету.

– Кондратьич, пятым членом нашей группы будет Менделеева. Катя Менделеева.

Мне подумалось, что сейчас старик встанет, ещё раз протянет мне руку, отзовется в тон, что его зовут Кондратьич-Ибрагим Кондратьич, скажет привет и пожелает счастливо оставаться. У него лицо было таким, будто я над ним издевался. Да я и сам чуял себя никак не лучше.

– Я не дал ей ещё однозначного ответа. Майка будет против. Не знаю, как насчёт Алиски... Ты, как я вижу, тоже не в восторге.

Кондратьич сел, шмыгнул носом, потёр ладонями виски – словно от всех этих словесных прыжков у него жутко разболелась голова.

Что ж, прекрасно его понимаю. Он переместился со стула на кровать, грузно на неё сел.

– Ну, барин, ты даёшь. Сегодня с одной девкой кувыркаешься, завтра другую ищешь, третью пришибить из огненной палки хочешь, и вот тебе – уже назавтра та третья тебе отдаться хочет. Ты точно к инквизиториям за подтверждением рода ходил? Они, кривохвостые-то, тебя там исчо ничем другим не наградили?

Он немного поразмыслил, взвешивая все за и против. Он воспринял моё молчание за то, что я жду его совета. Что ж, он прав – совет мне сейчас был бы как нельзя кстати.

– А что Катька, что Менделеева? Плоха, што ли, девка, али как? Всяко какое лекхарство в той промгле сварит, аль исчо чавось-то, да выдумает, чи не?

– Я думаю, это вызовет конфликт.

– Конхликт. Ишь, демона какая, конхликт-то, раз вызывают. Прямо бис, не к ночи помянут. Ты что ж, барин, не знашь, что делать? Да вели ей маску, что рожу закрыват напялить, да немой притворится – чего нам там, до разговоров, думаешь, будет?

– А если она не согласится?

– Ну так и в самый срам её тогда, барин! Я одного солдата знаю – молодой, безрублёвый. Насыпешь ему целковых шапку, так он хоть в кабак, хоть чорту в пятак. Ну? Не алхимик, конечно, но всяко человек знающий.

Я кивнул ему в ответ, принимая справедливость доводов. Что ж, если Катька и в самом деле хочет мне помочь, то согласится. Может не сразу, и придётся поугovarивать, но всё-таки...

В какой-то миг мне вдруг причудилось, что удача, хвост которой выскользнул из рук, вновь оказалась от меня в опасной близости.

А я ведь своего не упущу...

Глава 3

Пузатый бес смотрел на нашу компанию и давался диву. Наверно, на своём веку он уже успел повидать благородных офицеров, готовых спуститься-то, да в самые что ни на

есть подземные глубины Петербурга, но столь разношёрстную компашку наблюдал впервые.

Майя была сама серьёзность и не находила себе места. Волнение заставляло её в сотый раз проверить содержимое своей сумки.

Я хмыкнул, вспомнив, что было, когда она проверила мою – и первым делом спросила, здоров ли я? Она видела возможным взять с собой армейские галеты, может быть, печенье – но пирожные и яблоки вогнули её в ступор. Я же не терпящим возражений тоном заявил, что так надо – как будто бы, ударясь я в объяснения, она смогла бы их принять и осознать! Ей пришлось лишь недовольно пожать плечами и обиженно солгать, что если что – она своими запасами со мной делится не станет.

Алиска была куда как равнодушной. Спокойствие царило в её мятежной душе, давая возможность созерцать красоту утра. Беззаботно она смотрела на невесть откуда взявшуюся, да посреди осени бабочку, ритмично размахивая хвостом. Звериная натура звала её поймать порхающую негодницу, но она чудом держалась.

Явилась вместе со своим многострадальным пылающим клинком, даром дома Тармаевых. Бес смотрел на неё пуше остальных – он не знал, что же конкретно его смущает? То ли девчонка-велес, к которой благородные относятся на равных, то ли её наряд горничной.

Я склонялся ко второму и тоже был удивлён. Значит, яб-

локи с пироженками в душе Майки пробуждают смятение, а вот то, что её личная телохранительница вырядилась так, будто собирается учинить в подземелье генеральную уборку – даёт ей повод считать, что всё хорошо?

Но спорить не стал. На моей памяти именно Алиска за- всегда не то что просто знала, а бесконечно была уверена в том, что делает.

Кондратьич выглядел зерном здравомыслия, за что получил от пузатика одобрителный взгляд. Немного битая мо- лью солдатская форма, вещмешок, винтовка и кортик – он словно в одиночку готов был зачистить то, на что нужна тро- ица сопливых детишек во главе с офицером.

А ещё он разбавлял бабский состав подобранной мной ко- манды, ведь замыкала нас Катька.

Майя едва ли не носом чуяла присутствие в нашем стане не просто соперницы за моё кроватное время.

Она чуяла в ней непримиримого врага. Кондратьич ока- зался прав со своей выдумкой – по легенде перед нами сто- яла не дочь рода Менделеевых, второй пятый алхимик всей страны, а немой чумной доктор родом из Германии. Маска успешно скрывала её лицо от любопытных взглядов. Вранье о том, что она прячет от чужих взглядов страшный химиче- ский ожог только раззадоривало злость Майки – как и всякая женщина, она чуяла подвох. Где-то внутри её темноволосой головы бродили вопросы: где и как я отыскал эту бродяжку?

Алиска испытывала к ней только естественное для неё лю-

бопытство. Я вздрогнул, когда заходили ходуном крылья носса девчонки-велеса, прикусил язык. Уж кого-кого, а зверя обмануть невозможно!

Лисица же лишь пожала плечами, не проявив к новенькой должного интереса.

Катька прятала в себе всё, что только могло выдать в ней Менделееву. Белые волосы лежали под капюшоном, стянутые в хвост. Кожаная маска с непрозрачными линзами очков выглядела жутковато и немного нелепо. Словно желая скрыть в ней алхимическое начало, девчонка не нашла ничего умнее, как наклеить на неё невесть откуда раздобытые гайки и шестерни.

Словно она желала подчеркнуть механическое начало своей природы.

Насколько у неё получилось не знаю, знаю только то, что мне стоило немалых усилий убедить её на этот маскарад. Нутро подсказывало мне, что однажды всё тайное становится явным, опыт вторил, но я не слушал.

Словно в спину меня толкало отчаяние, вкрадчиво убеждая, что главное – попасть внутрь, а там хоть пото...

Я прикусил язык, вспомнив, чем обычно для меня заканчивается неосторожность в словах. Нет уж, дудки, давайте в этот раз без этого, ага?

– Показывай! – велел мне пузан, а я часто заморгал глазами. Какого лешего этому чёрту от меня ещё требуется? Всех, кого надо я притащил, так какого ж рожна?

– Сумку показывай. Готов ли?

Я недовольно забурчал, скидывая котомку с плеч, дьявол же никак на это не отреагировал. Зажужжала растёгиваемая молния-застёжка, распахивая набитое нутро моей сумки.

Дьявол рылся в скромных пожитках, словно в своей сокровищнице. Майка уже хотела сделать ему замечание: её возмущению не было предела! Она нормально относилась к обычному люду, но что этот простолюдин себе позволяет так нагло рыться в чужих вещах?

Чую, в будущем таможня сильно разочарует огненную дочь Тармаевых.

Страх ёрзал во мне ужом, намекая, что бюрократию точно придумали посреди дьявольского пиршества. Что ты будешь делать, если он вдруг вспомнит, что для прохода требуется разрешение пятого заместителя помощника главной канцелярии за подписью пяти его начальников? Развернёшься ко всем собравшимся, разведёшь руками, извинишься и скажешь, что ошибочка вышла?

Если Сатана и жаждал меня унижить, то способ он выбрал наимерзейший.

– Это вот... – руках толстяка боками зеленело сочное, готовое хоть щас, да в фруктовый салат, яблоко. – Это вот что? Для чего?

Глаза Майки вспыхнули едва ли не злорадством. Словно где-то в недрах души она уже который год мечтала выдать женское и сакраментальное – я же говорила!

– Яблоко, – я старался звучать как можно более невозмутимо. – Оно... восстанавливает ману.

– Ишь ты, – одобрительно буркнул он, и тотчас же ткнул когтистым пальцем в свечи. – А это?

– Свечи. Магические, если освещать путь перед собой. И анальные, если ты не закончишь расспросы.

Он мерзко загоготал моей шутке и махнул рукой.

– Вижу теперь, что хучь в чём, а шарись, людина. – Он встал на цыпочки, чтобы дотянуться до самого моего уха, вкрадчиво зашептал. – Будь у тебя уровень повыше, я пустил бы тебя сразу. Таких как ты смельчаков в этих кущах сгнуло – на три преисподних хватит. Но ты послушай моего совета...

Слушать советы самого дьявола – я уже чую, как начинают пригорать афедроны всех святых. Интересно, что по этому поводу сказала бы Славя?

Я не знал, чем обмолвилась бы ангел, ведал лишь о том, что иногда лучше послушать того, кто говорит – выводы-то я всегда сделать успею.

– Там, в туннелях, тебе встретиться всякое. Разумное и не очень. Воспринимай всё, как данность. Найдёшь деньги – не береги, будет возможность – трать.

– Хорошо, только открой мне ещё одну тайну – откуда в тебе такое человеколюбие проснулось?

Он хмыкнул, потеревил затылок, после же поморщился, плюнул себе под ноги.

– Скажешь тоже! Человеколюбие! Моя б воля, так я тех эксплуататоров, что ты с собой приволок прямо тут и в котел, грешатам на потеху. Но ты-то хучь наполовину, а наш!

Вон оно чё...

А я уж как будто бы и стал забывать, что наполовину полудемон. Хоть только родство с ними меня в последнее время из всяких задниц и вытаскивало.

– Ну, чего встали? – недовольно зарычал он на остальных, гремя связкой ключей. Их на кольце висела разве что не добрая сотня.

Я смотрел на то, как приоткрываются ржавые ворота с каким-то непонятным мне самому неопишуемым трепетом. Наверно, почти то же самое я ощущал, когда подростком в линяге заходил в первый свой данж.

История повторялась, только обстоятельства теперь иные. Вместо персонажа я сам, вместо урона – настоящие кровь, боль и синяки. А хилера, готового вытащить назад в брэнную тушку даже с того света, не заваялось.

На миг, время передо мной застыло, а меня самого охватил паралич. Перед глазами потемнело.

Ясночтение вспыхнуло интерфейсом перед моими глазами, взрезая повисшую мглу. Меня приветствовало небольшое окно. Скупое, словно его писали в канцелярии, сообщение носило предупреждающий характер. Мироздание защищалось от моих нападков, а потому было строго по определению. Не желая тратить лишних слов, оно немо вещало, что в

моей компашке подобраны бойцы не единого уровня, а потому скалирование противников будет отключено. Словно у меня был какой-то выбор, мне, наконец, представили возможность, как офицеру с особым, подстроенным под систему даром, осмотреть своих подопечных и не очень.

Тут в пору было присвистнуть и задуматься над тем, что не было никакого попадания в тушку князя Рысева. Пихнули сознание умирающего меня в капсулу виртуальной реальности, и привет!

Здравый смысл желал цепляться за остатки здравомыслия, выстраивая возможное из невероятного. Я бы покачал головой, вернись ко мне возможность двигаться. Сарказм беспощадно жалил меня колкостью замечаний – ага, блин! Первый парень на деревне, только на одном тебе такие эксперименты и ставить, чего уж там! Других-то людей в мире попросту не было...

Я отвечал, что, может, всё оно и так, но ведь почему-то же выбрало мироздание меня, чтобы швырнуть в эту альтернативную клоаку?

Глас мудрой черепахи-сенсея из одного популярного мультя спешил заявить, что случайности – они того самого, не очень-то уж и случайны.

Я отмахнулся, решив оставить поток этих мыслей на потом. Может, все это просто связано с моим даром и ничего больше – не зря ж его Кондратьич придурию считал.

Первым делом я решил взглянуть на то, чего умели мои

девчонки. Заодно и Кондратыча на этот предмет "пощупать" – сдавалось мне, мастер-слуга горазд не только шашкой махать да из стрелялы стрелять.

У Майки ветвь и в самом деле раскидистая. Несколько очков способностей не были распределены. Я бы на ее месте взял огненное дыхание – завсегда приятно, лишившись оружия, воздать поганцу просто разинув рот в окрике.

Неправильно проведённый ритуал на монете по прежнему отражался на её характеристиках, откушав едва ли не добрую треть маны. Майка-то, выходит, у нас пока что, волшебный инвалид: дебафф ослабления обещал исчезнуть через добрых полтора месяца.

Я попытался помочь Тармаевой и выбрать за неё способность, но интерфейс мягко намекнул мне, что я не могу принимать подобного рода решения за тех, кто не является моим подопечным. Что ж, как только у меня появится лицензия, да не на кровнорождённого прислужника, я сделаю ей предложение влиться в ряды моей крохотной армии. Я предчувствовал, что её согласие принесёт больше проблем, чем выгоды, но в своём решении был твёрд.

У Алиски всё было не хуже, а я бы даже сказал, лучше. Она успела с момента прошлой проверки подрасти на целый уровень. Способности она будто выбирала по наитию, решив, что все остальные ветки, кроме боевой звериной – хрень, а потому вложила полный максимум именно туда.

Кондратыч был крут – просто крут. Описание гласило,

что бывший солдат давно сменил свой класс на мастер-слугу. Он сохранил часть умений из боевого прошлого, но сейчас они получали огромные штрафы – и за несоответствие классу, и за банальнейшую старость.

Менделеева почти толком ничего и не умела. Впрочем, её пассивки говорили об обратном. Любительница смешать на ночь пару-другую ядовитых коктейльчиков имела хорошую сопротивляемость ядам. Надо будет обязательно запомнить. Ну а уж про возможность хлестать один эликсир за другим без видимых вредоносных последствий я уже имел честь лицезреть воочию. Не хотелось бы доводить её до того, чтобы она обращалась в гигантского монстра – тогда весь маскарад сразу потеряет смысл.

Пока что она одна единственная виделась мне пятым колесом – что-то мне подсказывало, что полчища крыс, коих она запросто обращала в своё орудие, нам попросту не попадутся.

Я выдохнул, когда интерфейс предложил схлопнуть окно и повиновался – не вечность же так торчать? Напоследок он предупредил, что у меня не будет возможности покинуть подземелье без последствий. Долг будет считаться невыплаченным, обещание – нарушенным. Биска, наверно, из своего небытия поглядывала на меня и потирала ручонки. Обращаться из её офицера всего лишь в игрушку, лёгкое развлечение мне хотелось меньше всего. Это сейчас, пока я не в её лапах, она относительно благожелательна – но в какую

фурию обратится потом?

Даже думать не хотелось.

– Федя? Ты идешь? – Майя выглядела взволнованной, я часто заморгала глазами в ответ. Ещё мгновение назад они стояли застывшими истуканами, а теперь вновь пришли в движение. Мне казалось, что с того момента прошла целая вечность. Я качнул ей головой в ответ, сделать первый шаг показалось до бесконечного трудным.

Словно я обязательно должен был упасть.

– Ты просто... встал, когда открылись двери, – на мордашкн Алиски тоже отразилось беспокойство. Менделеева лишь тяжело дышала.

– Всё в порядке. Я лишь задумался на мгновение. Идём.

Грязь хлюпала под моими ногами. Вперёд выбился Ибрагим, тут же ответил на немой вопрос – солдат всегда должен вышагивать впереди офицера. Иначе кто будет командовать, если он угодит в первую же попавшуюся ловушку?

Словно подчиняясь правоте его слов, девчонки поспешили меня обогнать.

Вниз вела бесконечно длинная лестница. Голодная тьма облизывалась – словно желала, чтобы мы потерялись в её чреве.

Кондратыч не доверял волшебным свечам, извлёк из своей сумки фонарь. Чиркнула спичка – старик поджёг лампадку внутри стеклянного ящика и тут же закурил свеженабитую трубку. Майка не стала лишний раз извращаться, созда-

ла огненного птенца. Этот был размерами куда меньше того, что она создавала в аду – воробей на его фоне мог бы почувствовать себя накачанным гигачадом.

Я вздохнул, в очередной раз вспомнив о Нэе – малышка бы была здесь очень кстати.

– Не вешай нос, барин, – подбодрил меня Кондратьич, чуть обернувшись через спину. Винтовка хлопала его прикладом по ягодицам, сам старик в руке сжимал кортик – словно ожидал скорой опасности.

– Федя, как думаешь, это зло... Что за зло может быть в этих туннелях?

Майка касалась рукой влажных, успевших позеленеть стен. Наши шаги гулким эхом разносились по округе, тишину разрывали мерно капающая с самого потолка вода.

Словно желала спросить: ну-ка, ну-ка, что ты там говорил про потоп, а?

– Не знаю, – честно признался я.

– Чудовище, – тут же нашлась Алиска. Её жёлтые глаза хищно горели в темноте – в отличие от нас ей вовсе не требовались фонари с магическими заклятьями; прекрасно видела и так.

Я ждал, что на нас ворохом бросится стая летучих мышей, но те, кажется, предпочитали места поспокойней.

Алиска не унялась и продолжила.

– Чудовище, конечно же. Раз зло – значит чудовище. Так в сказках всегда было.

Хвостатая велес удостоилась от меня удивлённого взгляда. Уж от выросшей среди улиц Петербурга я меньше всего ожидал подобной наивности, а вон поди ж ты...

В голове, вообще-то, крутились догадки о том, каких тварей мы могли повстречать в этом подземье.

На ум первым делом шли ангелы. Детей Бога дьявол первым делом назовёт самым злым злом из зла. Да и учитывая, что высокотехнологичные крылачи, по примеру Слави, обожают подземные переходы, лаборатории и залы...

Кондратьич вдруг встрепенулся, предупреждающе поднял указательный палец, заставляя нас на миг, но остановиться. Лишь Катька не успела среагировать, врезалась в Майкину спину – девчонка тут же сморщилась от неприязни.

– Тихо! – шепотом затребовал старик. – Слышите?

Мы все обратились в слух. Майк аотрицательно покачала головой – ей не удалось уловить ничего. Я был с ней полностью солидарен, Менделеева лишь пожалала плечами.

А вот остро торчащие ушки лисицы напряглись – на пару с Кондратьичем им открылись тайны сей местности.

– Оружие... к бою! – Кондратьевич гаркнул так, что я первым делом схватился за клинок, второй рукой потянулся к покоящемуся в кобуре Подбирину – уж не знаю что там, но стрелять я буду чем придется. И простым свинцом, и заклинаниями...

Огненный птенец вскрикнул, словно предупреждая нас об опасности, метнулся в руки к хозяйке, тотчас же принимая

форму огненного копья.

Распахивая землю, вращаясь словно бур, из под земли выскочил малорослик. В нём едва ли был метр росту, но красные, полные ненависти глаза, зловеще сверкающие во тьме не обещали нам ничего хорошего. В руках он стискивал подобранный ему по росту топорик.

Я выстрелил первым – Подбирин плюнул горячим свинцом в тварь. Скалившее клыки чучело подпрыгнуло, будто от удара, шлёпнулось о стену. Прижимая четырёхпалую лапу к ране, он захрипел.

Разведчик, подсказало мне ясночтение. Гмур-разведчик.

Ничего, говорил вид умирающей твари – я правда разведчик. А вот остальная армия уже не за горами...

Глава 4

Они вынырнули из своих укрытий все и сразу. Земля распахивалась, выпуская мелких засранцев наружу. Один, другой, третий – я успел их насчитать два десятка.словно грешата в преисподней, сейчас они жаждали взять нас количеством. Катька юркнула в сторону, встретила оказавшегося рядом с ней гмура хорошим пинком. Ибрагим подцепил подброшенного ей противника кортиком, располовинил его мощным ударом.

Алиска, словно только и ждавшая подобной стычки, широко расставив ноги, раскачивая хвостом, словно дубиной, разила их размашистыми, широкими ударами.

Пятёрка гмуров нашли свою гибель в первые же мгнове-

ния боя. Быстро сообразив, что давно проверенная тактика дала сбой, они решили отступить. Переваливаясь на коротеньких ножках, они нелепо пытались скрыться за спинами стрелков. Те, в свою очередь, будто крайняя линия обороны, целили в нас из самострелов.

Залп был неизбежен.

– Майя, огненную завесу! – Кондратьевич оказался в деле командования проворней меня. Глаза старика вспыхнули давно утраченным огнём молодости. Тн словно вернулся на поля победных боёв – и сами черти не в силах его оттуда вытащить. – Алиса, не подпускай их к Тармаевой!

Огонь столпом поднялся из земли, слизнув только что выпущенные в нас снаряды. Словно подстраиваясь под приказы старика, Катька сорвала из своих запасов шар бомбы.

Мячом он покатился к ним, выпуская из себя едкий, ядовитый дым. Метнувшиеся к нам обратно гмуры быстро нашли свою смерть. Алиска отбила две атаки – её клинок был юрким и тяжёлым, каждым блоком она выбивала маленьких противников из колеи. Не давая им возможности отскочить, она била в ответ. Лезвие вспарывало коротышек, заставляя их замертво падать наземь. Кондратьич, вскинув винтовку, снял невесть откуда взявшегося чародея – в капюшоне и с посохом, он стремился одарить нас парой-другой неприятностей.

Оставшихся добила Майя. Пламя с ее рук, словно плеть, змеёй метнулось к ним, обвиваясь вокруг коренастых тел.

Несчастные вспыхнули живым, огромным кострищем. Не желая слушать их завывания, я подарил несчастным быструю смерть от моего клинка.

Первый бой прошёл накоротке и завершился едва успев начаться. Мы тяжело дышали – все, кроме Кондратьича. Старый солдат будто всю жизнь только и делал, что сражался – что ему такая мелочь?

Только на разогрев.

– Чудовища, – Алиска подошла к покойному коротышке, поддела его носком ботинка, одарила лёгким пинком.

– Что это за хрень только что была?

– А сам-то чай не видишь, барин? Гмуры здесь. Мне-то думалось, их из городов повывели, ан нет...

– Я немного о другом, но ладно. Что это за гмуры и с чем их едят?

Алиска тотчас же подошла ближе – мёртвые тела её больше не забавляли.

– Чудовища это, – хвостатую будто переклинило, и она готова была повторять одно и то же до бесконечности. – Жрут целую прорву. Детей воруют. Всё воруют.

Она разом помрачнела, вернувшись глубоко в какие-то свои воспоминания. Кондратьич лишь пожал плечами – он-то про эту чудь только из деревенских страшилок и слышал.

– Их хучь где полно. В сёлах-то, что ближе к каким шахтам так и вовсе пруд пруди. Ты вот что, барин, на пару слов.

Я глянул, что делают девчонки – Алиска сверлила мелких

поганцев взглядом. Дали б ей возможность убить их ещё раз – и она не преминула бы воспользоваться. Майя тушила порождённое ей же пламя, сочиняла из маны свежего птенца.

И бросала взгляды на алхимичку, полные отвращения. Не ведая уважения к мёртвым, она обыскивала их крохотные сумчонки, будто там в самом деле могло быть хоть что-то полезное.

Я последовал за стариком – мы скрылись с ним от девочек буквально всего в десяти шагах. Мгла, трусливо бегущая от нечаянных потоков света, спешила пожрать всё и вся. Я повторял самому себе, что мы всего лишь в десяти шагах друг от друга, но я едва видел созданный Майей осветительный огонь. И ничего не слышал из их тихих, но разговоров – будто мрак уплетал за обе щёки и звуки тоже.

Старик прочистил горло, поставил фонарь наземь. В воздухе тотчас же завоняло его только что раскуренной трубкой – будто Ибрагим жить не мог без горстки табаку.

– Ты не удивляйся, барин, что я так резво приказывать начал. Виноват, забылся, каюсь.

– Если бы не ты, – ввернул я, встав на его защиту перед ним же самим, – Нас бы уже могли доедать.

Я, конечно, преувеличивал, но недооценивать внезапность атаки было нельзя.

Старик лишь махнул рукой.

– Пустое, барин. Не я б, так Алиска твоя их услышала бы. У неё, знаешь ли, не токмо сиськи большие, уши ещё зверины

есть.

Я кивнул. Кондратьич тяжело выдохнул, будто всё это время держал усталость в себе. Я видел, что его нечто гнетёт, в чём он никогда бы не признался и под страхом смерти.

Но со мной и сейчас он пошёл не просто так – словно этим походом желал себе искупления.

– Ты ещё молод, барин, зелен. Ты не серчай, как есть говорю. Чему вас там за месяц-то могли научить? Дай боже, если из винтовки давали стрельнуть, да, прости господи, какой-нить ерунде – кто кому сват-брат, да как низко кланяться, сколь высоко подпрыгивать учили. Опыта-то у тебя ещё боевого – что с гулькину дульку.

Я слушал его внимательно. Старик выдохнул, покачал головой.

– Ты поактивней, барин. Ты ж всяко завсегда решения принимать горазд. Где у кого задины горят, так все сиднем сядут, а ты за водой побежишь. Нахал к девке полезет – любой мимо пройдёт, а ты разве что не из еёйных портков выпрыгнуть готов, зуботычиной поганца наградить.

– Скажешь тоже, – буркнул я ему в тон, словно обратился в ворчливого старика. – Это когда сам себе велишь, всё просто. Другими управлять не так уж и задорно получается.

Кондратьевич же лишь развёл руками – мол, учись, дружок, ничего иного-то не остаётся. Назвался офицером – вот и дуй...

– Ты за девчонками своими приглядывай барин. Присмот-

рись, кто где и в чём хорош. Они-то у тебя и сами не промах – помнишь, как нас тогда всех с Алиской похитили? Так она ведь чуть ли не раньше тебя-то освободилась. Да, без тебя ей бы там не управится, но ты и сам видал. Ты командуешь людьми-то живыми, но они всяко люди. Кто в штаны напрудит, а кто с геройским оревом и на редут прыгнет. А ты словно пловец должен быть. Приказывай, распоряжайся, ищи. Понял?

Я кивнул. Оставалось только гадать, где же сам Кондра-тьич почерпнул эти мегазнания? Он, конечно, солдат и много войн прошёл, но...

Старик отошёл, держась за склизкую стену. Отдернул руку, с отвращением вытер её о штаны – хоть сколько-то беречь одежду он даже не собирался. Кто ещё знает, когда и какими мы отсюда выберемся?

Мне в какой-то миг показалось, что все это не взаправду. Подземелье, словно в компьютерной игрушке? Повышение уровня, характеристики. Туннель-под-мостом.

Мыслями я как будто был далеко отсюда – так маленький ребёнок, рано проснувшийся и усаженный родителями в машину попросту не осознаёт, что впереди – едва ли не дорога длинной чуть ли не в целую жизнь. В деревню, на почти тот же самый срок, только в десятка три-четыре больше.

Я думал, что неделя заканчивается, что выходные, в которые мне следовало бы спать, предаваться чтению, отдыху и набитию желудка, вот-вот закончатся.

А в понедельник маячила практика.

Даже не знаю, как бы оправдывался перед друзьями, что её не прошёл. С знаком-то подопечного на руке и не пройти практику...

А после должна была случиться дуэль с Орловым...

– Стар я стал, барин, – словно оправдываясь, вдруг заговорил Кондратьич. – Стар, слаб и глуп. Помру я, чую...

– Да Бог с тобой, Кондратьич! – Я возмутился его словам точно так же, как возмущался на такие же заявы, озвученные бабушкой в которую сотню раз.

Ибрагим же, казалось, меня не слышал.

– Помру, а неохота, веришь? Детей не нажил, да вы мне за них были. Думал, благородные пострелята той ещё скурвой быть должны, а вы ничего вышли. Ты-то вот в особенности. Хотел бы посмотреть, как у вас там всё дальше-то выйдет... Деток ваших понянчить. Понимаешь, барин?

Я понимал, но ничего ответить не мог. Внезапная откровенность Кондратьича никак не шла из головы – да что это вдруг на него такое нашло? А, может быть, наш вчерашний разговор его сподвиг?

Возвращались в полной тишине.

Менделеева тут же поспешила показать мне свою добычу – несколько кривых, разве что отдалённо напоминающих круг, монет. Примитивная чеканка, почти никакущая шлифовка – не подскажи мне Кондратьич, что это деньги, я бы ни в жисть не догадался.

– Деньги? И какой они ценности?

Мне на миг представилось, что я беру эту кривоту и выкладываю на стол перед буфетчицей в ожидании пломбира.

Мне сразу по голове стукнут или потом?

Ясночтение рядилось в одежды Чипа с Дейлом и спешило на помощь раньше остальных.

Монеты гмуров, окрестила оно добычу. В голове раздался металлический звон, интерфейс услужливо отметил, что в этой области я стал богаче ровным счётом на пятнадцать монет.

Я пожал плечами – пока на них нечего купить, а я не вижу цен, то хрен знает, какое сокровище свалилось мне на плечи

Старик в ответ лишь развёл руками.

– Ну, барин, и вопросыки у вас! Кто ж его, кроме этих мохноногих, про ценность-то ведаёт? Но я б на вашем приберёг – это там, наверху, за них только под глаз дадут, да и то не за спасибо. А здесь, всяко может статься, чего полезного приобрести получится.

Я кивнул, вспомнив про наставление пузатого беса там, ещё у самых ворот. В конце концов, от меня не убудёт.

– Ну, идём? – Алиске наши счёты-переподсчёты были по боку. В юной девичьей душе жила жажда сражений, битв и приключений. Недовольная нашей задержкой, она как будто бы спрашивала – я что, зря сюда пошла?

Мы выдвинулись дальше.

Служка дома Тармаевых теперь была настороже. Где-то

внутри неё самой зрел личностный бунт, самоедство грызло все остальные мысли в рыжей головке, не забывая укусить упрёком – это как понимать? Клинок достала позже, чем эти твари появились – а ведь слышала! Слышала!

Что-то мне подсказывало, что у Алиски к этим самым гмурам есть не одна претензия.

У меня же к ним был вполне естественный интерес. Ладно там ещё, в самой культурной столице, несмотря на все колдунства, не придумали, как от крыс избавиться. Нет достаточно хорошей отравы, плохо работает дератизация, местные домоправители, несмотря на торжество прогресса, просто ещё не сумели наладить работу. В конце концов, против лично Катька Менделеева и мелкие разносчицы чумы под её личной защитой, черти бы со всеми ними. Но гмуры?

На моей памяти человек завсегда спешил изжить ближнего своего, кто хоть в чём-то, да отстаёт в развитии, технологиях, да бог весть по каким ещё сверх важным причинам. Но гмуры-то и вовсе какие-то подземные гоблины, прекрасно чующие себя в туннелях фиг знает какой длины и прямо под городом. И их не истребляют, не трогают, позволяют жить себе вдосталь и вдоволь, позволяя нападать на забредающих в их покои людей?

Да уж, явись сюда не я, а работник Рен-ТВ – так обкончался бы от радости. Шутка ли – целый подземный город хрен знает кого! Это ж сколько мифологических спекуляций можно наворотить?

Я почти чувал торжество духа от одного только осознания того, что мы спускаемся в самый настоящий Клондайк для жадного до денег лопухов дельца. Подземные жители – после такого хоть людей-котов лепи, хоть вымершую расу великанов...

Подобное у меня в голове не укладывалось, а потому требовало хоть каких, а ответов.

– Эти гмуры... – я облизнул губы, пытаюсь выстроить свой вопрос. Будто чувал, что спроси я ещё раз, что это за твари, Алиска повторит сакраментальное даже не задумываясь. – Что это за чудовища вообще такие?

Майка боязливо поёжилась от моего вопроса – видимо, у неё тоже есть что вспомнить и, судя по всему, не очень-то и приятное.

– Ибрагим нам с тобой про них раньше сказки читал. Алиска их слушать не любила, а мы смеялись над ней: мол, такая ловкая и сильная, а боится.

Я бросил взгляд на хвостатую. Упрекать за детские страхи я её не собирался. Словно не слушавшая нас лисица брела впереди, едва ли не бок о бок с Кондратьичем. Майка продолжала.

– А потом одного из них мы увидели в цирке. Было потешно. До тех пор, пока эта тварь не накинута на какого-то мальчишку в первых рядах. Мне это в кошмарах после долгое время ещё снилось. Боялась ложиться в кровать – всё казалось, что вот-вот выскочит эта образина из под кровати и

схватит меня за ноги. . .

Я её приобнял, она ответила на объятия, не отстранилась. Ей хотелось чувствовать себя хоть чуточку, но защищённой. Не виноват же я, что ей безопасно лишь когда я рядом?

В спину нас сверлила Катька – я не знал, но подозревал, что в её голове роятся пошлости. И относительно того, что следует сделать с Тармаевой, и относительно того, что мне надобно сотворить с ней самой.

Алиска тоже нет-нет, да и бросала взгляд через плечо, дула губки – ей хотелось, чтобы её я тоже присвоил себе.

И защитил.

Алиска всякий раз спешила раскрыться передо мной в новом, чарующем свете. Кто бы мог подумать, что ранимее всех остальных окажется именно та, при первом взгляде на которую никому и в голову не взбредёт, что ей нужна защита.

Шутка, родившаяся из ситуации так и просилась на язык. Не хватало ещё Кондратьичу захотеть поиграть в обнимашки! К счастью, старый солдат был куда как серьёзней всех нас остальных.

Выдохнул, покачал головой.

– Гмуры не просто подземные жители. Эти истинные обитатели этих земель. Их можно было бы изгнать, истребить, повывести. Поработить, в конце концов.

"Но" так и просящееся в этот список легко слетело с моего языка, а Кондратьич кивнул.

– Верно мыслишь, барин. Всегда есть "но". Их истребля-

ли и истребляют – эти твари живут одной лишь им понятной целью расширения туннелей, углубления – чуть ли не в самые недра земли. Словно жаждут добраться до самой преисподней.

А вот это уже звучало интересней. Да, чудовища, да – злы по определению. Но лезут всё глубже и глубже. Я пожалел о том, что рядом с нами не было Биски – хотелось выпросить у неё, а есть ли в этом мире у Ада географическое значение? Мы так привыкли видеть Рай-Ад-Чистилище чем-то метафизическим. Но ведь открывала же бесовка туда врата – может, преисподняя как раз у центра Земли, в ядре и покоится?

Тут и мысль сама собой возникала – может, эти самые гмуры сумели раскопать нечто такое, чего могло бы помочь им провалиться в самое пекло? А сам аццкий Сотона попросту не желал новых соседей?

Вот уж воистину говорят – непрошенный гость, он хуже татарина...

– Их всяко посылают истреблять. То "Уральцы", о коих ты тогда спрашивался, за деньги возмутся, то гвардия лично батюшки-царя...

– Постой, Ибрагим, – остановил я его. – Мы дай Бог от тех дверей на километр углубились, может быть, на два – а они уже тут торчали засадой. Если их так активно жгут-бьют-травят, то почему они оказались так близко к поверхности?

Старик хотел было что-то ответить, но лишь выдохнул.

Кажется, этот вопрос теперь волновал и его самого.

– Стойте! – воскликнула Алиска. словно по команде, мы приготовились к очередной атаке. Кондратьич повыше поднял свой фонарь. Свежий птенец Майи выпорхнул вперёд, обещая обрушиться жидким огнём на шкуру всякого, кто осмелится на нас напасть.

Напасть на нас решился самый обычный перекрёсток. Туннели словно смеялись над нашей наивностью немым гоготом – что, спрашивали они, думали, что тут и перед вами одна большая, длинная кишка? Иди себе напрямик, никуда не сворачивая?

Выкусите!

– И куда? – Алиска закусил губу. Наверно, она только что добавила в список нелюбимых вещей перекрёстки, путь которых повсюду течёт в неизвестность. На меня уставились три пары внимательных глаз. Хмыкнувший Кондратьич сложил руки на груди, кивнул, давая мне в этот раз право самому сделать выбор.

И проявить лидерские склонности.

– Алиска, что чуешь по правой стороне? Майя, твой птенец умеет докладывать о том, что видит?

Тармаева кивнула головой в ответ.

Алиска села на корточки, припала на руки, принюхиваясь к смрадному духу подземья, в надежде учуять недруга. Птенец Майи рванул с места в карьер, юркнув за угол. Волосы на голове девчонки вспыхнули огнём р учитывая, что этому

никто не удивился, я тоже решил не придавать особого значения.

Не странно для других, не странно для меня.

Глаза Майи заволокла пламенная дымка – родство с огнём давало о себе знать. Прокачать бы ещё его получшее, да посильнее. Ну да ничего, с этим ещё обязательно успеется.

– Там, – Алиска ткнула пальцем в свою сторону охотничьим жестом, а я разом обратился вслух. Лисица продолжила. – Там... лучше туда не ходить. Не знаю, что это за тварь.

Она не знала, зато ясночтение могло определить запросто. Я же подумал, что уж как-нибудь обойдусь. В голове скользнула шальная мысль – вот смеху-то будет, если точно такая же засела с Майкиной стороны.

Начало было стандартным.

– Там, – Майя будто во всём решила подыгрывать подруге. Мы молча переглянулись с Кондратьичем, подозревая жуткое, но прогадали.

– Ещё гмуры, – огненная дочь Тармаевых зябко поёжилась. Будто в детских страхах они не только хватали её за ноги, но ещё и стремились утащить спасительное одеяло. – У них там что-то вроде лагеря. Костёр. И пленник...

******Всем спасибо! По традиции чибик Биси посетит профиль любого читателя, оставившего книге награду любого размера!**

Я бросил еще один озадаченный взгляд на Кондратьича. Он сам, кажется, был обескуражен не меньше моего.

– Пленник? – переспросил я. – Здесь?

Устройства туннелей я не знал, а карту не удалось раздобыть даже в инквизиторской библиотеке. Я ходил туда тайком, надеясь не попасться на глаза Егоровне.

Карты не было нигде. Ясночтение же отдавало должное моим глазам, оставляя в недрах заметок схематичные очертания стен. Ну хоть не заблудимся, успокоил я сам себя.

Я не знал выходов и входов в эту срань, но что-то подсказывало, что самый ближайший у нас позади. И то ли черт «Ни-за-что-не-пушу-не-говотого» вполне себе впускал кого ни попадя, а на мне у него разыгрался синдром вахтера, то ли я попросту не понимаю особой гмуриной логики. Откуда тут пленник, как он тут оказался? Ну не тащили же его, в самом деле, хрен знает откуда, хрен знает зачем, чтобы мы вот так вот на него наткнулись?

– Не пленник, – вдруг поправила ее Алиска, вновь пустив в ход свой супернюхальник. – Пленница.

О-о-о, это разом меняло дело, конечно же! Сдержал рвущийся из меня сарказм, краем глаза взглянул на непрекращающуюся борьбу здравого смысла с внутренним демоном.

Внутренний демон бил грушу, выдавая один запрещенный прием за другим. Ты же мужик, грозно вопрошал он. А как мужик может бросить девчонку в беде? Дай руль мне – и мы ворвемся в эту гущу, словно бур. От соплявок только

мокрые ошметки на стенах и останутся.

Здравый смысл, что сегодня занимал почетное место груши для битья, отчаянно протестовал. Ты мужик, но это ж еще не значит, что надо бросаться в бой очертя голову. Где же логика, тактика, стратегия, в конце концов?

Демон был убедителен, но здравый смысл прав, а потому я встал на его сторону. Адский соперник лишь махнул рукой, заявив, что мы всего лишь стадо унылых, скучных неудачников.

– В этот раз действуем тихо, – зашептал я.

Может быть, мы вместе с Кондратьичем и имели честь убедиться в том, что местная мгла лопают звуки, что Алиска печенье с молоком, но рисковать лишний раз не хотелось. Опыт подсказывал, что твари, вот уже который год, если не век, обитающие здесь, могли научиться и видеть, и слышать, и одним бесам ясно что еще.

Словно футбольная команда перед последним пенальти, мы обсуждали тактику.

Майка шустро изобразила палкой в рыхлой земле примерные очертания лагеря. Огненное подобие воробья так и не вернулось к своей хозяйке, сгинув в гмурских пучинах. Нам следовало бы ждать, что, завидев огненную птичку, коротыши заподозрят неладное и всяко приготовят какую-нибудь каверзу.

Катька оказалась очень умела в пантомиме, изящно изгибаясь и изображая дым. По крайней мере, мне так показав-

лось – этот момент мы с ней как-то не продумали, но я бо-
ялся, что Майя сможет запросто распознать ее по голосу.

Менделеева вытащила из своей сумки с пяток блестя-
щих, стеклянных шариков – внутри вихрем гулял крохотный
смерч. Он-то и должен был стать для нас дымовой завесой.

– Майя, мне нужно, чтобы ты была на страже, понятно?

– Нет. Что значит «на страже»?

Я выдохнул, на миг закатил глаза, но созревший в голове
план и в самом деле был уж излишне схематичен.

Взял палочку из ее рук. Воображение откупоривало оче-
редной бидон красок, некстати вспомнилось то акварельное
месиво в театре.

Задумка воплощалась яркими образами – мы с Кондра-
тьичем под прикрытием дыма выскакиваем и палим из все-
го, из чего только можем. Винтовка Кондратьича стреляет в
здоровенного, явно главного гмура, мой Подбирин подьеда-
ет поганцев поменьше. Словно Бэтмен, желая скрыться от
чужих глаз, не забывая отстреливаться, мы спешно отступа-
ем – вряд ли стоит думать, что наша выходка заставит их бе-
жать, а не броситься в атаку.

Тут-то и должна выскочить Алиска. Ее клинок вмиг сли-
жет жалкие остатки жизни с тех, кто окажется ближе. Ка-
тя вытащила со спины некое подобие раскладного шеста – я
сначала и не принял его за оружие. Шест оказался плеватель-
ной трубкой. Лента шприцов пряталась под одной из верх-
них юбок, обещая наполнить тела несчастных ядом. Чем она,

конечно, и должна была заниматься.

Ну а стоящая на страже Майя будет щупать плечи и спины поганцев подобием тех огненных ос, что она уже являла, когда мы гнались за святочертым.

План был идеален и надежен, что швейцарские часы, но другого у меня не было, а остальные решили продемонстрировать свою безыдейность.

Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги...

План решил, что он говно, он брезгует и, честно говоря, отказывается во всем этом участвовать. А потому он пошел домой, а мы – на хрен.

Наперекосьяк пошло все, что только могло пойти. Стекланые шарики бахнули, как им и было положено. Вырвавшийся на свободу вихрь тотчас же обратился в густой дым – мы нырнули в него с Кондратьичем. Трижды проверенное ружье решило в этот раз выдать осечку. Ухмыльнувшийся нашим первым неудачам гмур был размером едва ли не с человека. Голову его украшала задернутая на лоб деревянная маска, в руках он сжимал светящийся огнем посох.

Он взмахнул им, словно волшебной палочкой – дух ветра тотчас же приволок нам свое дитя, кусачим сквозняком схватил за нос и щеки. Дым, будто подхваченная разбойником сумка, мигом испарился, оставив нас с Кондратьичем как на ладони.

На нас тут же обрушился самый настоящий град – мерзкие коротышки, прежде чем схватиться за кривые ножи, решили

угостить нас волной отравленных дротиков. Майка вскрикнула первой: кажется, я сам забыл, что видел собственными глазами. Эти поганцы умело притворялись, прячась под настилами, засыпанными землей. Один из них, перебирая кривыми ногами, вмиг оказался с пламенной дочерью Тармаевых. Пламя, метнувшееся с ее ладоней, ударило ему в лицо – несчастный взвизгнул за миг до того, как лишился головы. Алиска, обещавшая прикрыть наши задницы, теперь была занята совершенно другим. Ее клинок вспорол брюхо второго, спешащего повторить подвиг собрата, коротышку. Словно танцуя с клинком, она располовинила бедолагу, третьего лишила ног, добила паршивца размашистым ударом – словно попавший в адские тиски, несчастный взорвался кровавым облаком.

Майя припала на колено, вырвала миниатюрный нож из лодыжки – невелика рана, смертелен яд. Будто змей, он побежал по ее венам, всеми силами спеша к самому сердцу. Слабость обрушилась на плечи девчонки неподъемным грузом.

Кондратьич был следующим – Менделеева успела швырнуть впредь нас конус гранаты. Поток воздуха, взорвавшись, он спешил перемолоть склизкую, гнилую древесину подземья, разбить ее о камень стен. Но один из дротиков пробил Кондратьичу руку насквозь – старик выронил некстати заклинившую винтовку.

Гмур-шаман возликовал. Посох в его руках очертил круг

над косматой головой. Да-да, уныло отозвалось мне ясночтение, это именно то, о чем и подумал.

Проклятие обещало лечь на наши плечи ужасными болезнями, годом неудач и страшно представить чем еще. Словно желая сотворить мерзость покрепче, плясали младшие гмуры – полурослики, не жалея пяток, отбивали дивный, отдающийся звоном в ушах ритм. Мана с их пляски вихрилась едва ли не потоком, текла будто по каналу к шаману.

– Отступаем! – выкрикнул я, чуя, что сейчас это будет единственной здоровой мыслью. Поддерживая Кондратьича, помогая старику идти, я заставил тень сползти с моей спины. Уныло и безрадостно, она стремилась возникнуть силуэтом к спешащей растерзать нас армии. Широко расставив руки, будто познав дзен мазахизма, она принимала на себя один удар за другим, быстро исчезнув в том море урона, что пролился на нее.

Лог не стонал, лог ломился мне в мозг сотнями, если не тысячами сообщений. Сбивал с толку, мешал, отчаянно и самозабвенно рассказывал, что творилось с каждым членом моей группы. Словно эта инфа была мне дороже жизни, он вещал о том, сколько выносливости в секунду теряет Майя. Отравленная рана высасывала из нее жизнь и силы. Качаясь из стороны в сторону, привалившись к стене, она отбивалась огнем. Пламя скользнуло по ее телу, спеша излечить собой порез, но оказалось бессильно против того, что уже бушевало в крови скорой погибелью.

Интерфейс спешил меня «порадовать», что если я срочно не свершу чуда, то от Тармаевой у меня могут остаться лишь хорошие воспоминания.

Карманы заявили, что на сегодня лимит чудес исчерпан, приходите завтра. Кровавый оскал фатального провала обещал обернуться гибелью – всех.

Менделееву будто бы выточили из стали. Истеричная в иных обстоятельствах, сейчас она была сама собранность. Я ждал, что вот-вот она загонит в себя с десятков разномастных эликсиров, но ждал напрасно. Вместо этого она один за другим методично отправляла дротики из духовой трубки.

Первым лег ряд гмугов, спешащий за нами. Шприцы нещадно впивались в их толстую кожу. Смесь, которую умудрилась создать пятый алхимик всей страны, была мощней примитивных ядов коротышек. Хватаясь за горло, выпучив от предсмертного ужаса глаза, несчастные захлебывались собственными рвотными массами. Мерзкая белая пена спешила выступить на губах, словно веревка вываливался мгновенно посиневший язык.

– Рысев, прикрой! – Она решила, что и дальше играть по правилам не просто опасно, а смертельно. – Сделайте что угодно, только не подпускайте их сюда, слышите? Тармаева ж сейчас сдохнет!

Алиска вынырнула вперед нас с Кондратьичем, давая мне возможность оттащить старика.

– Пистолет, – потребовал он, когда я уложил его у ближай-

шего камня. Не успев ответить, я резанул слишком близко оказавшегося ко мне поганца кортиком старика.

– Пистолет, – словно ошалелый, повторял он. Я хотел уже сказать, что стреляться – слишком рано, но он опередил меня. – Дай мне возможность подстрелить еще парочку этих сукиных детей!

Сукины дети готовили следующий залп. Словно толпа детишек, узревшая лоток с бесплатным мороженым, они метнулись к чашам с боеприпасами.

Пламя вырвалось из клинка Алиски. Красиво крутанув мечом над головой, она вознеслась над нашими головами в чудовищно высоком прыжке. Меч обрушился на набравшегося наглости оказаться в достаточной близости гмура, прежде чем с него, разнося по окрестности утробный рык, вырвалось спешащее сгореть дитя феникса. Вспарывая нестройные и без того изрядно поредевшие ряды коротошек, огненная волна лизнула напоследок треклятых плясунов.

Ритм сбился, покачнулось почти готовое проклятие. Шаман спрятал за маской, надвинув ее на морду, гримасы гнева, отчаяния и страха. Как будто в его косматой голове на миг мелькнула мысль, что же случится, если мрачные Боги, к коим он взывал, окажутся недовольны незавершенным ритуалом.

В его руках блеснул изогнутый, волнистый нож – таким впусу только приносить жертвы.

Мироздание вдруг подмигнуло мне, намекнув, что удача и

чудо – это вещи приходящие. Сегодня они тусуются в заднем кармане брюк, а завтра их уже ищи у соседа.

Сегодня они были у соседа.

Пленницу я увидел только теперь. Гмур-шаман всей своей жирной тушей принялся раскачиваться, как неваляшка – проклятие, хоть и сбившееся, но все равно готовое достичь своего апогея, набирало последние силы для завершения. За шаманом прятался алтарь – светящиеся символы обещали благодать богов в обмен на кровь. Пленница была связана, закрытый кляпом рот изрыгал мычание ругательств, связанные руки тщетно пытались вырваться на свободу. Полностью нагая девчонка одного с Майкой возраста. На голове – пепельные, почти седые волосы. Привязанная к жертвенному камню, она ждала печальной участи.

Следом явилось непредвиденное. Богиня неудачи, только что оседлавшая наши шеи, решила, что мы – до безобразия скучные. А вот гмуры вполне в ее вкусе.

Хитрой лисицей она сбила темп одного из плясунов. Подернулся шар проклятия – второй огрех стоил поганцам дорого. Взревевшая сфера мрачных пожеланий ответила молнией плети. Вскрикнул шаман, чуть ее выронив нож из рук, схватился за правое плечо – зеленоватая, обнажившаяся из-под спавшего наземь наплеча кожа пошла пузырями, в мгновение ока покрываясь коростой ссадин. Ожог спешил вырасти на спине мерзким горбом.

Плясунам повезло куда меньше. Отчаянно завывая от

ужаса, они таяли, словно свечи. Кожа слезала с обнаженных тел, словно воск, плоть же обращалась разваренным мясом. Едкий дым валил с умирающих в муках коротышек – прося о последней милостыне у Богов, они возносили им хвалу, требовали пощады.

Тщетно.

Неудача выплясывала посреди нас, обещая, что сегодня – акция! Скидки: она заявится ко всем и каждому даже без разрешения!

Толстый гмур-шаман поскользнулся на кровавой луже, что натекла из одного из его помощников. Девчонка пыталась приподняться – любопытство тащило ее пуще ужаса узреть, что же творится. Одурманенная вонью благовоний, она пыталась прийти в себя. Отчаянно и дерзко билась мятущаяся надежда, словно вопрошая – это люди? Если люди, значит, спасение рядом?

Увы и ах, нам сейчас самим требовалось спасение и срочно.

Подбирин в руках Кондратьича неспешно, но опустошал обойму. Словно желая подтвердить свое звание стрелка, лежащий за укрытием булыжника старик не ведал промаха. Свинцовая смерть в облаке пороховых газов стремилась навстречу с гмуровыми шкурами – в меткости мне до моего мастер-слуги было как до Китая раком.

Всего пятью выстрелами он сумел посеять в их рядах откровенную панику. Его выстрелы находили самых отчаян-

ных, сильных и смелых коротышек. Словно подкошенные, вставшие в очередную атаку, они падали, хватаясь за разверстые животы, валились наземь, как только голова взрывалась, как переспелый арбуз.

Менделеева медлила. Уверенная еще недавно, сейчас она поддавалась вдруг навалившейся на нее панике. Чувства бурлили в ней потоком, адреналин хлестал разве что не из ушей. Отчаянно и зло она перебирала подозрительного вида бутылки. Словно нужный решил сыграть с ней в прятки, она хватала саму себя за голову и принималась вновь.

Майке становилось хуже с каждым мгновением. Тармаева ухнула в сон – еще недавно способная стоять, она проваливалась в пучины предсмертного забвения.

У меня помутилось в голове. Смерть гремела костями над ухом, смеялась гнилозубым ртом, говорила: «Ты привык нести погибель другим. Один, второй, третий – кто их считал? Они всего лишь горстка опыта на пути к твоему собственному могуществу. Ты приносил горе, юный жнец. Тебе было плевать на чужие слезы. Посмотрим, как ты совладаешь с самим собой теперь...»

Все, чего мне хотелось, – это рвать и метать. Холодный взгляд смерти потоком пролился на гмугов из моих глаз, заставил дрогнуть. Язык был богат на ругательства, собираясь излить на них всю мощь русского языка.

Вместо этого я молчал. Кортик хорошо, удобно лежал в руке, глаза застилал кровавый, адский туман. Будто я бился

не с подземным народцем, а с смертью, тщетно пытаясь отбить у нее теперь и Тармаеву.

Ну уж нет, говорила костлявая. В этот раз – девчонка моя.

Никого и ничего не разбирая, я шел вперед, словно машина смерти. Ожившей мясорубкой перемалывал чужие жизни в отчаянные крики безудержной боли. Они отбивались – я разил наотмашь. Они защищались – словно буром я вспарывал их оборону. Они бежали, а я догонял.

Удача изменила коротышкам. Слишком рано уверовав в собственную победу, они имели наглость расслабиться и теперь получали по заслугам.

Шаман передо мной был толст и неуклюж. Он медленно вставал на ноги – ему мешало брюхо. Что-то бормоча, он тыкал узловатым пальцем то в шар над головой, то в алтарь, то в дрожащую пленницу.

В моих глазах был только смертный, не предвещающий ничего хорошего холод.

И тихий ужас – я больше смерти боялся взглянуть в лог, вызвать интерфейс и узнать, что Майки попросту больше нет.

Самоедство еще обязательно, взявшись за руки с сарказмом, спляшут на могиле моих чувств, но сейчас они молчали. Молчал здравый смысл, забился невесть куда внутренний демон.

Ничего не говоря, я вонзил в гаденыша клинок. Брызнувшая на лицо кровь показалась мне слаще меда. Вопль, пере-

ходящий в конвульсивный хрип, звучал, будто музыка в моих ушах.

Убей, кричала лютая ненависть. Проверни в его потрохах клинок, заставь мерзкие ручонки перебирать по воздуху, пусть из его глотки брызжет смесь вязкой слюны и желудочного сока...

Я не знаю, что случилось раньше: безобразное тело рухнуло к моим ногам или взорвалось проклятие над моей головой?

Грохот привел меня в чувство, по спине жახнуло отколовшимся от потолка булыжником. Боль была отрезвляющей, боль сказала, что если я не поспешу прочь – меня ждет участь несчастных плясунов. Их изуродованные тушки тлели сизым дымом.

– Барин, беги оттуда! – Кондратьич был на ногах. Он придерживал собственную руку, но спешил мне на помощь.

Я заметался в нерешительности – широко раскрыв глаза, пленница гмуrow умоляла о спасении. Я же не знал, чем разбить цепи.

Проклятие буйствовало. Мне вспомнилось, чем хотел наградить нас тогда Франц – и вот теперь его заклинание казалось лишь детской игрушкой.

Потому что над нами как будто бы бушевал гнев богов. Дымчатое, заполненное злом облако хмурилось, изрыгая из себя потоки красных молний. Не ведая жалости, изгибаясь, они беспощадно жалили все, до чего только могли дотя-

нуться. Камень стен обращался в мягкое, податливое крошево. Магический алтарь лопнул, словно зеркало – побежавшая из центра трещина разрасталась, врезаясь в уши смачным хрустом.

Шаман под моими ногами менялся. Его мертвое тело изгибалось в корчах – будто разгневанные силы, к коим он еще недавно желал, стремились причинить ему адскую боль даже в посмертии.

Молния заставила меня вильнуть в сторону прочь от жертвенного стола. Не выдержав, тот начал оплавляться по краям. С некогда острых углов крупными, тягучими каплями стекал камень, едва ли не обратившийся глиной.

Здравый смысл не вовремя решил заикнуться, что оплавить камень можно лишь сверхвысокими температурами и...

Отмахнулся от него. Там, где существуют и живут чудища, проклятия и магия, я поверю в что угодно.

Девчонка рванулась еще раз – истерзанный проклятиями камень ухнул от ее усилий, сдался. Вколоченные колья вместе с цепями вынырнули из него, словно из песка.

Я не стал долго раздумывать, схватил девчонку на руки – шокированная, напуганная до безобразия, она льнула ко мне, как к последней надежде.

Потолок решил, что с него довольно. Проклятие, наконец, ухнуло – я почувствовал, как спину обожгло крошевом осколков. Боль взялась за меня не сразу, позволила сделать

несколько шагов, прежде чем я, как подкошенный, рухнул наземь.

Мы вместе с девчонкой кубарем скатились вниз. Кондратьич накинудся на нас своим телом, надеясь закрыть от гремящего на все лады обвала.

«Вами получен девятый уровень!» – радостно сообщил мне проснувшийся интерфейс, прежде чем последние силы оставили меня...

***Нам по очень большому секрету просили сказать и никому не рассказывать, что чибик Биски придёт ко всякому, кто оставит к производству награду любого размера. Но вы ведь сохраните это в тайне, правда?

Глава 6

Мне снились мамины большие и теплые руки, мягкие объятия, радость улыбки. Я тянулся к ним, не ведая иных забот – смех звонким колокольчиком вклинивался в приятную, вязкую тишину.

Сну не нравилось, что я доволен. Ему хотелось, как и прежде, травить меня гончими кошмаров – а то чего я такой довольный? Старый Хвост, Франц, тот самый эльфаинец – все они спешили навестить меня, одарить мрачным, вопрошающим взглядом. Словно желали устыдить за прежнюю жестокость – со мной, говорили их глаза, они бы так никогда не поступили.

Я отмахивался от таких снов, гнал их прочь и был рад, когда открывал глаза.

Сейчас я тоже был рад. Можно умирать сколько вздумается, а судьба, кажется, так и будет пихать ко мне полуголых девиц.

В этот раз была абсолютно голая. Сжавшись калачиком, она спала у меня на груди, словно на мягкой подушке. Маленькие, изящные ладони стискивали мою руку, словно любимого медвежонка.

Я, наверное, умилился бы, если бы не головная боль.

Интересно, у мигрени могут быть градации? Если высочайшим уровнем считают легендарную, то моя как минимум превосходила все остальные на три ступени и была разве что не космических масштабов.

Словно голова целиком и полностью состояла из теста, а трудолюбивый пекарь раз за разом разминал ее в сильных руках.

Маленький, уютный свет стеклянной лампы был слаб, наверное, ровно настолько же, насколько и я сам. Он лишь касался собой смутных очертаний, но не больше.

Кондратьич сидел ко мне боком. Пирожное в его руках было съедено лишь наполовину. Как будто бы старик терпеть не мог сладкого.

Он предавался тому же самому, что и я сам парой минут назад. Склонив голову набок, приоткрыв рот, Кондратьич клевал носом. По крайней мере, мне отчаянно хотелось в это

верить.

Рядом с ним лежала винтовка.

Девчонка была пленницей гмуров. У меня накопилось к ней немало вопросов. Я хотел взглянуть на нее ясночтением, дабы понять, что за фрукт свалился мне в руки.

И не смог. Здравый смысл бежал впереди с предупреждением, страх жадно потирал ручонки. Ну, говорил он, призови свой разлюбимый интерфейс, взгляни, что случилось с твоими девчонками. Познай крайние глубины отчаяния, ведь ты же хочешь...

Я не хотел. Одна лишь мысль о том, что их всех раздавило этим обвалом, была страшнее.

Горе, готовое взять меня за руки, обещало оплакивать кончину девчонок вместе со мной. Оно и обнимет, и платок у него постиранный есть, и патрон поможет в Подбирина загнать.

Чтобы застрелиться.

В какой-то миг мысль об этом показалось столь притягательной и желанной, что стало жутко. Страх же гоготал – тебе легко жилось в мире айфонов и ноутбуков. Один, почти никого нет, никакой ответственности! Сейчас же ты попытался проглотить кусок куда больше, чем мог бы влезть в твою зевалку, и получил то, что заслужил.

Потерял почти все, чего смог достичь.

Сатана воистину мог бы радоваться – я еще никогда не ощущал себя настолько сломленным.

Мягко отстранил девчонку. Она была маленькой, словно Алиска, но не такой коренастой. Худенькая, слабенькая, будто единственным хобби в ее жизни было недоедать.

Почти точеная, хрупкая фигурка непрозрачно намекала, что она изрядно преуспела в этой гнилой затее.

Старик оказался джентльменом. Будто не желая взирать на обнаженную девчонку, он укрыл нас своим большим, толстым кафтаном. Я сложил рукав этой одежды, чтобы получилась плотная подушка, мягко опустил на него голову девчонки.

Встать получилось не сразу. Опираясь на острые края булыжников, царапая руки в кровь, я преодолевал слабость, боль и извечную усталость. Не хватало здесь разве что Биски – вот уж кто не удержался бы от ядовитой шутки даже в такой прескверной ситуации.

Моя сумка лежала рядом с Ибрагимом – я развязал тесемки, выудил пирожное, жадно вгрызся в него зубами. Есть не хотелось, меня мучило, но надо было.

Избежать яснотления оказалось сложно. Словно воочию, одной лишь силой воображения, я нарисовал полоску здоровья. Обвал меня не пощадил, утащив с собой всю выносливость. Мана болталась почти что на нуле – то ли в бескрайних просторах своих сновидений я отчаянно творил одно заклинание за другим, то ли сегодня Биска решила меня наказать за то, что проснулся не в ее объятиях.

Нешадно кололо ступни, каждый шаг отдавался так, будто

я гулял по острой стальной стружке. Ноги слушались плохо, глазам и носу не хватало света. Усмехнулся – вот же ж! Никогда бы не подумал, что на себе смогу испытать ту хохму про «дышать темно».

Чуть не споткнулся о торчащую из-под камня руку – один из гмуров, обращенных нашими стараниями в жмуров.

В воздухе стоял мерзкий дух слежавшейся пыли и свежей мертвечины – некоторых Кондратьичу пришлось уложить после случившегося.

Или это был я?

Ничего не помню с того момента, как начался обвал.

Боль отступила, когда я сгрыз яблоко. Мана, которой резко стало лучше, вернула если и не бодрость духа, то хотя бы желание жить.

С яблоком вытащил одну из свечей – ухмыльнулся, вспомнил, что у меня даже не было спичек. Будь рядом Алиска, – наверняка бы смогла управиться с магическим предметом. Я потерял подбородок – а ведь у меня самого такой опыт был, когда я чуть не залил нутро Менделеевой огнем. Может, и сейчас получится? Не должно же оно, в самом деле, быть сложно, как ракетные техноло...

Получилось.

Пламя откушало пару единиц маны, вспыхнуло едва ли не из огнемета, струей ударив в потолок – я чуть не выронил свечу.

Свет можно было регулировать маной же – а торгаш-то

умолчал, что его игрушки столь требовательны.

Зато света давали куда больше, чем фонарь Ибрагима или птенец Майки...

Майка...

Я набрал побольше воздуха в грудь – рано или поздно надо принять мерзкую правду. Надежда жила во мне одним лишь честным словом. На что можно надеяться, если Тармаева была обречена.

Я ждал сообщения о ее гибели сразу же, как только растянул перед глазами окно интерфейса. Ясночтение, словно желая нагнать побольше жути, прискорбно и загадочно молчало.

Я глянул лог – тот был полон сообщений о полученном мной уроне, о крупицах опыта, что падали мне на счет... Система отдавала должное моим умениям, не забывала напомнить о текущем состоянии...

Дебаффы злыми псами грызли мои характеристики, словно вопрошая – что, дружок? Думал, что прерванное проклятие изыдет прочь, как сраная бздень? Дунь, плюнь, ногой притопни – и поминай как звали? Нет уж, лови, родимый, обратку.

Страшно даже представить, что должно было быть, если бы на нас обрушилась не эта урезанная альфа-версия, а полноценный релиз.

Я покачал головой – на ум шли какие-то странные, неуместные сравнения.

Вскоре дошел до тех сообщений, где лог предупреждал о том, что Майя отравлена. Закусил губу, ничего не понимая, но беспокойство решило уняться. Надежда лыбилась во весь белозубый рот. Может быть, открывать шампанское и радоваться еще рано, но было хотя бы за что зацепиться.

Я пробежался глазами по логу еще раз и еще, чуя, что упустил нечто важное.

И в самом деле упустил.

Катька Менделеева в ходе успешных действий получила следующий уровень. Знать бы еще, что за действия. За то, что вытащила Майку с того света, я готов был бы и сам ей навалить: уровней, опыта, что там еще дают?

Лишь бы они все были живы.

Интерфейс словно нарочно, чтобы меня подразнить, не показывал полоски их состояний. Наоборот, отмечал, что они по-прежнему состоят в моей группе, вот только поведать хоть какую-то информацию о них не желал.

Я стиснул зубы, поднял небольшой булыжник – мысль о том, чтобы разобрать лежащий передо мной завал, была столь же нелепа, как и притягательна. В фильмах герой в отчаянии и желании спасти любимых начинал разбирать булыжники, а режиссер с оператором пели осанну его отваге, упорству и самопожертвованию.

Мне же петь было некому.

Было кому упрекнуть.

– Глупо. – Я услышал голос и на миг подумал, что попро-

сту спятил. Обращать на него внимание или не обращать?

Галлюцинации не желали быть лишь слуховыми, они перерастали в визуальные.

Биска, ежась, пыталась сохранить насмешливый вид на холодных камнях.

Сквозняк брал от нее свое – адская дева покрылась гусиной кожей мурашек. Грудь словно сжалась, и лишь торчащие точки сосков не уставали говорить о том, как же ей на самом деле, холодно.

Но в рекламе спрайта Биска бы выбрала вместо жажды имидж.

– Удивлен? – Она отвернулась от меня, легла поудобней, уставилась в потолок. Игривый хвостик змеей вытянулся промеж ног, раскачиваясь в дивном, манящем танце.

Я не знал, чему удивиться в первую очередь – внезапному появлению или появлению вообще? Не знал, а потому решил сойти за умного и промолчать.

Тишина была Биске не по вкусу, тишина ее раздражала. Задорная и веселая, она жаждала смеха, приключений и восхищения – конечно же, ее нескромной персоной.

– Ну же, это так просто! – На ее лице отразились недоумение и обида. И беспокойство: словно она пыталась прочесть мои мысли, а натыкалась лишь на вязкий комок липкого ничего. – Ты открываешь рот, блямкаешь языком – из этого получаются звуки. Иногда даже слова. Что с тобой случилось, живчик?

Мне стоило лишь на миг моргнуть, чтобы она исчезла.

И сразу же появилась у меня за спиной игривой дьяволицей. У нее были на редкость горячие, почти огненные руки – словно она только что вырвалась из самых адских пучин и спешила поделиться со мной теплом.

Жар ее тела побежал по мне, разламывая озябшие кости – а мне-то ведь парой секунд назад думалось, что холодно здесь именно ей. А оказалось наоборот – это я за крохотную крупицу тепла уже горазд был продать ей душу.

– Как грубо, – недовольно буркнула она и отстранилась. Я повернулся к ней лицом, а она зябко обхватила саму себя руками. – Как будто ты мыслишь, что твоя душа размером с Гулливера. Она, может, и правда именно такая, но только из его второго приключения.

– Биска, ты мне видишься. – Мне казалось, что я констатирую факт. Копнув, наконец, мои мысли поглубже, она принялась натирать рога: видно, там и в самом деле было из-за чего начать беспокоиться.

Словно пава, она продефилировала ко мне, взяла из моих рук булыжник, повертела его.

И ударила им мне по голове. Несильно, но мне хватило.

– Это, я так полагаю, тебе тоже показалось?

Я хотел было вернуть сомнение, что мне мог просто камень на голову упасть, но не стал испытывать судьбу лишний раз. Кто ж его знает, что она решит сделать в следующий раз.

Потер ушибленный затылок. Биска стояла в уверенной по-

зе, уперев руки в бока. Словно миниатюрная буква «Ф». Где-то в ее озорных мыслях было желание повторить фокус...

– Ладно, ладно. – Я поверженно выставил руки перед собой, чуя, что она готова повторить. Не знаю, как там моя даже не дрогнувшая от такого фриндли фаера полоска здоровья, а я вот точно упаду от следующего раза.

– То-то же. – Дьяволица наставительно подняла палец, швырнула булыжник прочь к собратьям. – Я жаждала увидеть почти все что угодно, живчик. Кроме того, что пришлось.

– Завал, потеря девчонок, абсолютное незнание того, что мне делать дальше?

Она отрицательно покачала головой, будто говоря, что это-то все здесь в порядке вещей. Мол, чуть ли не каждый второй проходит через нечто подобное.

– То, что может случиться что угодно. Хоть обвал, хоть конец света, а ты все равно, даже из небытия вытащишь девчонку, чтобы в обязательном порядке поймать ее за сиськи. Думаешь, я не видела, как ты дрых? Твои руки так и гуляли по ее телу! И там, и там, и даже там!

Ладони самой Биски в полной красоте показывали, где же гуляли мои шаловливые ручонки. С груди на живот, с живота к промежности и ягодицам...

– Ревнуешь?

Я задал вопрос, на который никогда не получу от нее ответа. Разве ж дочь Ада сможет признаться в этом хотя бы

себе самой? Я уже давно оставил надежду...

Не желая выслушивать очередной пассаж, повернулся к ней спиной, облокотился на стену. Только что съеденное пирожное спешило наружу – меня стошнило.

– Ты в порядке? – Мне показалось или в ее голосе я в самом деле услышал нечто похожее на беспокойство? Я отрицательно покачал головой. Хотелось ответить мемом про какую там нафиг норму, но я сдержался.

В голове поселился целый ворох вопросов к дьяволице. Она прочла мои мысли, устало выдохнула, но отвечать не спешила. Мол, потрудись, озвучь – и вот, может быть, тогда...

– Что ты здесь делаешь? Ты же говорила, что не станешь мне помогать, потому что....

– А я и не помогаю, – пожалала она плечами. Убедившись, что я твердо стою на ногах, она села на один из плоских, гладких булыжников, словно на грех, задрала одну ногу, обхватила ее в колене, выставляя напоказ чуть прикрытую тряпкой промежность.

Я сделал вид, что глух к ее уловкам.

Игривой кошкой она сменила позу – встала на колени, чтобы тут же лечь. Моему взору открылась округлость ее ждущих моих рук ягодиц.

Словно она так и желала сказать – наконец-то мы одни! Там, в подлунном мире, обязательно находился какой-нибудь рыжий, веснушчатый толстяк или вытянутая шпала,

чтобы нам помешать. А здесь я мог сделать со ней все, что только пожелаю – за кусочек маны, конечно же, а как еще? Она ж меня терзать явилась.

Я не поддавался на чары краснокожей плутовки.

– Я пришла проверить, что здесь с моей будущей игрушкой. Как он, жив ли еще? Люди, когда попадают в мою игрушечную коробку, становятся сразу же скучными – не такими, как живые.

Она легла на бок, запрокинув ногу. Когтистый палец побежал по линии промежности, словно указывая, где следует быть моему взгляду. А лучше и кое-чему другому...

– Вижу, ты умудрился вляпаться. Едва ли не на ровном месте. Гмуры редко взывают к своим Богам, но тебя угораздило выбрать момент.

– А кто их боги? – Я почувствовал себя идиотом. Как будто бы мне на самом деле больше не о чем спросить. Биска повела плечами.

– Кто ж их знает? Я никогда не задавалась вопросом выслушивать в их бессвязном бормотании хоть что-то понятное. Наверно, выдуманный друг.

Она сладко зажмурилась, чуть отдернув тряпицу с промежности, принялась массировать половые губы. Только и ждущие ласки, они набухли, а я ощущал, как сквозь усталость, слабость и прочее меня начинает тянуть к дьяволице. Пусть скромные, но прелести Биски магнитом притягивали взгляд.

– Что они, что вы – почти одинаковые. Узрели фокус – и готовы бить лбом пол, принимая безделицу за могущество. Не получилось что-то – и вам уже нужны некто, на чьи плечи можно возложить вину за собственную неудачливость. Разве не так?

Не так. Я бы точно не стал звать ту сферу проклятия, что бушевала над нашими головами, безделицей.

Дьяволица выдохнула, прочитав мои мысли, но возразить не успела – сквозь пелену мрака наших ушей коснулся тихий, почти сдавленный девичий крик.

Я рванул назад, забыв о боли в ногах и прежней усталости. Что-то случилось, кричала внутри меня тревога, не забывая щедро удобрять душу ядом обвинений. Что-то случилось, а тебя опять не было рядом с дорогими тебе людьми. Есть что сказать в свое оправдание?

Мне сказать было нечего.

Я почувствовал себя почти что голым – когда же научусь, прежде чем вставать и брести к бесполезному, озабочиться тем, чтобы сунуть за пояс хоть какой заваливающий клинок?

Девчонке, успевшей натянуть на себя камзол Кондратьича, это первым и пришло в голову. Выставив перед собой клинок, она жадно, дрожа губами, смотрела на старика. На лице – гримаса глупого, детского, должного пугать оскала. Старый солдат стоял перед ней чуть подняв руки и на полусогнутых. Не знаю, что здесь случилось, но старик явно был недоволен, что хоть кому-то удалось застать его врасплох.

– Вы не понимаете! – У нее был красивый, мягкий и почти бархатный голос. С таким можно было бы стать хорошей певицей.

Мое появление не прошло без внимания – легендарный кортик Кондратьича в ее руках тотчас же уставился острием мне в грудь. Девчонка обещала пустить его в ход, и я не давал себе усомниться в серьезности ее намерений.

В чем угодно другом – пожалуйста! В том, что у нее в действительности хватит сил и умения атаковать старого солдата – запросто! Куда ей?

Я не позволял себе сделать и лишнего движения – зачем провоцировать? Уверен, что моя эгида в случае чего сумеет принять на себя ее первый удар, а вот рисковать Ибрагимом не хотел.

Краем глаза заметил, как по стене, прилипнув к ней руками, ползет Биска, надеясь зайти маленькой мерзавке за спину.

Дьяволица мягко опустилась наземь, положила когтистые лапы на плечи, но ничего не делала. Облокотилась на маленькую фигурку, зубасто ухмыльнулась

– А у нее ведь и правда красивая мордашка. Да, живчик? – Словно желая продемонстрировать, она мягко провела ладонью по ее лицу, убирая мешающуюся прядь.

Из-под растрепанных дымчатых волос я разглядел ее испуганный взгляд – меня с ног до головы проняло и бросило в холодный озноб: на меня смотрела кровнорожденный при-

служник.

Ее словно тоже это коснулось, девчонка вздрогнула. Биска разом, словно ужаленная, отстранилась от нее прочь.

– Ты! И ты! – Девчонка переводила клинок с меня на старика. – Не подходите! А не то... Умрете, слышите?

Я бросился к ней сразу же, едва она решила развернуться к нам спиной. По лицу ударили ее волосы, нога поскользнулась на осклизлом камне. Словно еще на что-то надеясь, я сомкнул объятия, но поймал лишь воздух. Девчонка, шустро перебирая ногами, будто это не она десять минут назад спала у меня на груди, уносила ноги. Сверкали оголенные круглые ягодицы, издевательством гремел смех согнувшейся надо мной дьяволицы. Ей точно было что сказать мне, но она предпочла молчать.

***Говорят, что есть в Аду такая традиция – кто награду к этому тому оставил, к тому ночью придёт дьяволица Биса. А вы готовы...

Глава 7

– Ты знала, что она мой кровнорожденный прислужник? – спросила Биска, а я не ответил. Мы словно поменялись с ней ролями.

Она кривлялась в свое удовольствие, скакала впереди нас с Кондратьичем, цокала копытами и не смела унять собственного веселья.

Да и как здесь его можно было унять?

– Ну давай же, живчик, открой ротик, скажи: ты знала, что она мой кровнорожденный прислужник?

Я в который раз взглядом указал на старика. Лишившись своего фонаря, сейчас он держал мою свечу, приняв ее без лишних вопросов. Затраты маны разом легли на его плечи, а я немного выдохнул. Хоть какое-то облегчение.

Биска словно не понимала моих намеков. Старик? Ну а что ей старик? Признавать, что я буду выглядеть идиотом в его глазах, разговаривая с воздухом, она попросту не желала. А может, и признавала, но наслаждалась возможностью мне досадить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.